

Даниил Филатов

A close-up photograph of a broken, dark-colored watch case lying on a surface covered in small, dark debris. The watch case is the central focus, showing significant damage and fragmentation. The background is a blurred, warm-toned interior space with bokeh lights, suggesting a dimly lit room or a workshop. The overall mood is one of destruction and loss.

Осколки

Даниил Филатов

Осколки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70307872

SelfPub; 2024

Аннотация

За время событий "Потерянного" главным героям Линде и Нильсону пришлось многое вынести, и не со всем им удалось справиться. Признав это, Линда отправляется к семье в маленький городок Уотервилл, надеясь найти там покой.

Содержание

Глава 1. Кошмар во сне и наяву	4
Глава 2. Уотервилл – город, где спокойно	31
Глава 3. Сомнамбула	61
Глава 4. Разбудите меня, доктор	89
Глава 5. Айсберг	125

Даниил Филатов

Осколки

Глава 1. Кошмар во сне и наяву

Слабый свет бесчисленных огней ночного мегаполиса проникал внутрь через тонкие кружевные занавески. Холодный ветер слегка шевелил их, усиливал повисшее беспокойство.

Шум города почти не долетал до двадцать седьмого этажа, и, казалось бы, здесь должна царить полная безмятежность. Но безмятежности не было.

Линда замерла у приоткрытого окна, сжимая в побледневшей руке стакан воды. Взгляд девушки устремился в пустоту мира за окном, где мутные тени небоскребов притягивались друг к другу, складываясь в неясные образы.

Ночные кошмары снова выгнали ее из мира снов в мир бессмысленной рутины. С каждым новым сном, с каждой пережитой ночью они все усиливались, становились реалистичнее и изощреннее. Мрачные и жуткие образы пробуждали девушку раз за разом, а проснувшись, она просто смотрела, как час за часом уходит время.

Не так давно кошмары несли один характер. Они напоми-

нали Линде сцену её собственной страшной смерти. Возвращали к единственному моменту, давно, казалось бы, ушедшему.

Но в августе это изменилось. После заключения в Кубе, после того, как Константин Титов полностью перетряхнул её сознание, вывернул его наизнанку, а после дружья каким-то чудом освободили Линду от его влияния, внутри неё словно что-то треснуло.

Сны стали разнообразнее. Вокруг девушки сгущались темные силуэты, которые потом оказывались копией одного-единственного.

Того, который и отдавал команды. Фигура в черном костюме преследовала её почти в каждом сне. Даже в старом кошмаре, где все подружки Линды Тиль, а спустя мгновение и она сама тоже, погибали в пламени, теперь на фоне стоял *он*. И девушка уже не могла сказать наверняка, что Титова не было в тот день.

В отражении окна Линда увидела свое бледное лицо, увидела глаза – заспанные, уставшие. Не отошедший до конца кошмар застилал сознание, как туман.

Она сделала глоток прохладной воды и взглянула на часы: нет даже четырех. Над городом завис мрак ночи, еще даже не готовящейся отдать свое место рассвету. Так или иначе, придется еще поспать. Вот этому лицу, не видевшему отдыха, в новом дне не место.

Девушка допила воду и вернулась в спальню.

– Опять? – беспокойным вопросом встретил её Нильсон. Главная и, быть может, единственная опора во всем этом. Мужчина сидел на краю кровати, терпеливо дожидаясь Линду.

Брайер нашел в себе силы не последовать за Тиль на кухню. В первые мгновения после пробуждения девушка обычно предпочитала побыть в одиночестве и прийти в себя.

– Опять, – кивнула Линда, – одно и то же. Завтра заранее налью воды.

Она постаралась улыбнуться, но мужчина оставался серьезным:

– Надо с этим что-то делать, – произнес он, – долго ты еще будешь со мной спорить?

– Не буду. Но я не стану ничего делать прямо сейчас, – Тиль старалась придать своему тону, насколько это возможно, легкомысленное выражение, чтобы не выдать волнения, – давай спать. Еще два часа до будильника.

– Ложись, – Нильсон пожал плечами, – в этот раз все не так плохо?

То, что он не озвучил, буквально зависло в воздухе: то, как в прошлый раз девушка так и не смогла заснуть. То, как дрожала мелкой дрожью несколько минут после пробуждения. И, конечно, то, как долго Тиль пыталась осознать, где находится и отделаться от ощущения, что Ландерс в очередной раз сожгла её заживо.

Да, в этот раз все действительно «не так плохо».

Девушка легла под одеяло, закутавшись в него поглубже, и прижалась к широкой спине Брайера. Сразу же по ней разлилось умиротворение. Беспокойные сны остались где-то там, за пределами одеяла. Здесь они Линду не достанут.

Глаза её закрылись, и сладкое забытие напоззло, закрыв все остальное.

* * *

– Линда! Линда!

Она проснулась от ощущения сильной назойливой тряски, которая перевернула весь её мир с ног на голову.

– Все! Я тут, я в порядке! – выпалила девушка в лицо Нильсону, который и держал её за плечи, – что случилось?

Мужчина смотрел на Тиль едва ли не с испугом:

– Это я хочу спросить. Что приснилось?

Что приснилось? Вспомнить бы. Она попробовала прогнать в памяти прошедший сон, воспроизвести все, что там было.

На этот раз – ни единой четкой картины. Круг из черных фигур, обступивший её. Блестящие стеклом глаза. Лица оставались в тени. Фигуры менялись друг с другом местами, исчезали и появлялись снова. Никакой закономерности в их движениях не было.

Девушка вздрогнула:

– Я не помню, – призналась она, – опять дергалась?

На лице Нильсона застыла тревога. Сонливость ушла из него, уступив место эмоциям. Краем глаза Линда увидела

светящиеся красным цифровые часы: без четверти шесть. Вот и ночь к концу подошла.

– Нет, – мужчина долго подбирал слова, но в итоге решил, как обычно, сказать все прямо, – ты кричала. То ли от боли, то ли от страха. Так, что соседи уже тоже не спят, наверно.

– И только, – очередная попытка девушки надеть маску легкомысленности была провальной. Это она хорошо поняла по выражению лица Брайера.

Он обнял Линду и прижал к себе. Ладонь легла на затылок девушки и осторожно погладила её по волосам.

– Сегодня начнем с этим бороться, – тихо произнес Нильсон. Тиль попыталась вырваться из его объятий, но руки мужчины не поддались ни на дюйм.

Это «бороться» каждый раз вызывало у неё неприятие. Линда не могла бы назвать свои сны какой-то серьезной проблемой. Раньше не мешали, так с чего бы сейчас волноваться?

Раньше... Где было «до», а где началось «после», она осознавала слишком уж отчетливо.

– И как ты собираешься бороться? – повернув голову, девушка посмотрела Брайеру в глаза, – к психологу меня записать? Или сразу упрятать куда-то?

– Спокойно, – негромко, но твердо ответил мужчина, прерывая негатив Линды в зародыше, – завтра пойдешь к Стоуну и возьмешь отпуск. Недели две-три, больше не нужно. Просто напряжение на работе накладывается на недавний

стресс. Я так понимаю. Выспаться и отдохнуть точно не будет лишним. Для начала.

– Я не могу оставить работу! – Линда сразу же вспыхнула, – целый год мою должность занимал другой человек. Чтобы снова во всё вникнуть, я обязана выкладываться двадцать пять на восемь!

– Не обсуждается, – тон Нильсона не признавал возражений, – послушай себя со стороны, и станет ясно, откуда вообще весь этот стресс. Я тебе говорю, как здесь лучше поступить.

Линда кивнула, признавая его правоту. Пожалуй, после прошлого года Брайер знал о психологическом напряжении не меньше её.

– Вот и молодец, – на лице мужчины, наконец, появилась улыбка, – ложиться смысла уже нет, думаю. Пойду сделаю кофе.

Девушка вздохнула. Когда такой режим успел стать нормой?

Несмотря на то, что они поднялись раньше обычного, в привычный ритм Тиль никак не могла уложиться. Какая-то заторможенность после плохого сна мешала сосредоточиться на чем-то и отнимала лишнее время. Как в тумане девушка умылась, стараясь не вглядываться в свое уставшее отражение слишком пристально, нанесла макияж – естественный, только чтобы скрыть последствия ночи – и начала одеваться.

Все-таки поймала себя на том, что слишком долго стоит перед зеркалом, вместо того, чтобы уже стянуть сорочку и достать повседневную одежду.

Отражение осуждающе нахмурилось.

За такими мелочами время и утекало, минута за минутой. Ни о какой утренней пробежке, конечно, речи идти не могло.

Сняв ночную одежду, Линда покачала головой. За этот месяц она успела похудеть: так можно исчезнуть совсем.

Самоирония на этот раз не дала повода для улыбки. Девушка надела бледно-голубую рубашку, застегнула брюки (скоро в ремне понадобится новое отверстие) и снова выбралась на кухню.

– А я уже будить собирался, – не оборачиваясь, бросил Нильсон, – завтрак готов, садись.

Брайер разливал черный кофе по крохотным чашкам.

– Нет-нет, все в порядке, – ответила Тиль улыбкой, которой мужчина все равно не поверил.

Брайер буквально дышал жизненной энергией. После года на службе у врага военачальник формально временно остался в стороне от крупных операций. На деле же – проводил большую часть времени дома, периодически консультируя полководцев Армии Освобождения или разрешая тактические задачи.

– Подвезти? – спросил он и сделал первый глоток горячего кофе.

– Да я успеваю, – девушка покачала головой, – просто не

захвачу ничего по дороге.

Нильсон покачал головой.

– Похоже, сегодня опоздаешь.

– Что? – девушка опять утонула в собственных мыслях и не услышала, что сказал Брайер.

– Опоздаешь. Я же сказал, сегодня начинаем бороться, – он улыбнулся, затем пошел к шкафу с одеждой, натянул футболку, застегнул карго, повязал поясной ремень, затем потянулся за курткой.

Через несколько мгновений он вернулся на кухню, взялся за чашку и сделал глоток кофе.

– Ладно, надо бежать, не успеваю допить, – Тиль хотела чуть ли не бегом добраться до прихожей, где стояли туфли, но ладонь Нильсона легла на ее собственную. Мужчина мягко, но требовательно остановил ее.

– Допивай спокойно.

Тиль заглянула в его глаза и увидела в них спокойствие и уверенность. Этот кошмар в Кубе коснулся и его, он потерял, возможно, даже больше, чем она сама, практически жизнь. По словам Нильсона, воспоминания к нему могут и не вернуться, поэтому он просто решил начать с начала. И ничего, держится, а кроме того, успевает поддерживать ее. Линда решила последовать примеру возлюбленного, взяла себя в руки, уняв дрожь и тревожность и стала медленно допивать терпкий черный кофе.

Мужчина удовлетворенно кивнул.

Выйдя из дома они взяли ее машину, оставив подержанный военный «Хаммер» Нильсона на стоянке, но за руль сел он. Именно поэтому по дороге они заехали в их любимую закусочную, взяв с собой. Брайер вспомнил, что Линда пожаловалась, что по дороге ничего не захватит и позаботился об этом.

Таким образом в здание Совета Освобождения Линда вошла в половину десятого, то есть почти на полтора часа позже, чем обычно. Под изумленный взгляд охранника девушка сняла темно-синий клатч и положила его на ленту, а затем легким шагом прошла через рамку детектора.

– Вы сегодня припозднились, мисс Тиль. Что-то произошло? – спросил сотрудник охраны, проверяя ее металлоискателем.

– Да нет, Дуэйн, все в порядке, – без толики вранья ответила девушка. Она действительно чувствовала себя лучше.

Но ненадолго...

Тревожность стала нарастать, как только советник Линда Тиль погрузилась в работу. От той утренней легкости, что накрыла ее при входе в офис, не осталось и следа, день наполнился встречами, звонками, документами. Как она и говорила, оторвавшись от жизни страны на год, теперь невыносимо тяжело было вернуться к нормальному режиму работы. Люди вокруг Тиль словно общались на другом языке, а кроме того почти каждый стремился спросить, как у нее дела и все ли с ней в порядке. К середине рабочего дня Лин-

да стала нервничать настолько сильно, что до обеда решила никого не принимать, отвечать только на звонки и почту, о чем предупредила своего ассистента.

Но телефон тут же стал разрываться. Навязчивые трели перемежались со множеством вопросов, на которые Линда болезненно долго искала ответы. А кроме того, все начало напоминать ей о том годе: Окружной совет ветеранов направлял запросы в ее адрес с просьбой о рассмотрении в Совете вопроса об улучшении условий лечения инвалидов битвы при Рейнсберге; Усиливалась блокада в районах, граничащих с захваченными ОПЗМ в ходе кампании, там также требовалось дополнительное финансирование, проводилась мобилизация, а потому в связи с оттоком кадров стала падать экономика, губернатор просил прислать не только материальную помощь, но и дополнительных рабочих и технику на восстановление ущерба, наносимого приграничными бомбардировками.

Кроме того, стали сыпаться жалобы на человека, который ее подменял весь этот год, а он ушел на больничный, получив травму через неделю после передачи дел. Связываясь с ним, Линда чувствовала, как будто слепой разговаривает с глухим, они не понимали друг друга и не могли достичь взаимопонимания.

Кровь пульсировала в висках, а потому как только часовая стрелка перешагнула отметку в два часа дня, Линда вытащила телефонный шнур, а затем заперла кабинет. Она сброси-

ла туфли, медленно босиком прошла по ковру в кабинете, упала в гостевое кресло, откинув спинку. Мерно шипела кофеварка, заготавливая очередную порцию экспрессо.

Тиль позволила себе расслабиться и прикрыла глаза.

– *Ты просто слабая и никчемная,* – прозвучал голос из темноты.

Девушка тут же раскрыла глаза, огляделась по сторонам. Никого не было. Конечно же, как и всегда. Просто это снова началось. Нельзя спать. Нельзя расслабляться.

– *Ты пытаешься жить жизнь, которая больше не твоя. Смирись со своим истинным предназначением,* – в идеально гладкой черной поверхности кофе девушка заметила темный силуэт позади. Она резко развернулась, выращивая в руке ледяной кинжал. Но позади никого не было. С глухим стуком чашка упала на ковер, разлилось её содержимое, наращивая черное пятно на белоснежном ковре.

Линда стояла и смотрела на то, как кофе впитывался в ворс. Она провела рукой, замораживая жидкость. И что же теперь делать?

Закрыв лицо руками, она села на пол. Затем попыталась прийти в себя, провела по щекам ладонями, глубоко вдохнула и выдохнула. Расстегнула брюки, аккуратно сложила их вдвое и повесила на спинку кресла, расстегнула пуговицы на рубашке, подвязала ее у живота.

Нужно сделать несколько асан, это поможет.

Девушка широко расставила ноги, чуть выгнулась в спи-

не назад, чувствуя, как напрягаются мышцы, вдохнула и на выдохе опустилась к стопам, крепко взявшись за них, простояла так десять секунд, после чего свела ноги вместе, снова вдохнула, после чего выставив правую ногу вперед и оперевшись на нее согнула вторую в колене, а руки вытянула к потолку, снова согнулась, ощущая напряжение. Вдох. Выдох и переход на другую ногу с расслаблением. После отступившего напряжения сознание очистилось, мысли заполнила только забота о правильном расположении рук и ног. Это правильно, это помогает отойти.

Сделав еще несколько упражнений, Линда почувствовала усталость в мышцах, поэтому решила сделать перерыв. Одевшись, девушка достала из бумажного пакета с логотипом несколько свертков и разложила их на столе. Обед, который они захватили, был скромным: салат в прозрачном контейнере, состоявший из нескольких листов зелени, четырех-пяти разрезанных пополам помидоров черри, заправки и сухариков, его дополнял круассан с ветчиной и более крупными помидорами, а на десерт Нильсон, несмотря на все протесты девушки, выбрал шоколадный фондан. Тиль встряхнула контейнер, перемешивая салат с заправкой, сняла крышку и принялась за еду.

И все же она не могла игнорировать тот факт, что нужно что-то предпринимать. С каждым днем становится все хуже и хуже, близок тот день, когда она не сможет спать и просто сойдет с ума от навязчивых образов. Но что можно сделать?

Последовать совету Нильсона и взять отпуск? Имеет ли она на это право?

Тиль вспомнила множество просьб от страждущих. Снова оставить их без ответа? И в то же время, не будет ли хуже, если завалив себя работой и бросив борьбу с подступающим безумием, Линда в какой-то момент потеряет контроль. И тогда одному только Богу известно, что может произойти. Однако девушка чувствовала себя очень обязанной этим людям, поскольку добровольно взяла на себя заботу о них. В таком деле приходится многим жертвовать. И все же...

Она потерялась в собственных мыслях и ожиданиях, и тут раздался настойчивый стук в дверь. Кто бы это мог быть? Линда поспешила привести себя в порядок, поправила волосы после йоги, надела туфли, разгладила складки на брюках. И не зря. Открыв дверь она увидела председателя Совета Освобождения.

Майер Стоун был давно уже не молод. Тиль не знала точно, но ему было где-то за шестьдесят, и все же он выглядел очень хорошо: светло-серый классический костюм с неизменно белой рубашкой был всегда ему к лицу, седые волосы были аккуратно подстрижены, а верх Майерс зачесывал на бок. Морщинистое лицо всегда было расслабленным, спокойным, а глаза, за коричневой оправой круглых очков выражали добродушие.

– Здравствуйте, мисс Тиль. У вас был отключен телефон, поэтому мне пришлось зайти, – начал Стоун, проходя в ее

кабинет.

– Простите, Майерс, я просто решила немного отдохнуть в обеденный перерыв, побыть наедине с собой, – виновато ответила девушка.

– Ничего, я вас понимаю, – мужчина бросил взгляд на разложенную на рабочем столе еду, – оторвал вас от трапезы?

– Нет, я еще не начинала. Хотите кофе? – Линда почувствовала, как нижнее веко ее правого глаза начинает подрагивать. И что нужно Стоуну? К тому же, так неудачно получилось с телефоном. Наверняка что-то важное, раз он пришел. Неужели заметил, что она не справляется?

– Не откажусь, спасибо, – Майерс осторожно устроился в кресле, не облакачиваясь на спинку. Он терпеливо наблюдал за тем, как Тиль готовила кофе и с благодарностью принял чашку и блюдце из ее рук.

– Так чем обязана визиту?

– Видите ли, – сделав небольшой глоток, продолжил председатель, – не ранее как час назад в мой адрес поступило сообщение от генерала Нильсона Брайера, в котором он вежливо, но очень настойчиво просит меня дать вам отпуск.

– Что?! – теперь Линду точно пронзил нервный тик, нижнее веко задергалось. Как он мог так с ней поступить?! Зачем влез?! Нет, это ради ее блага, но не стоит так...

– Постойте- постойте, не нужно так резко реагировать. Я потому и пришел. Я понимаю, что последний год выдался для вас обоих очень непростым и хоть в Совете есть немало

дел, в которых нам пригодилась бы ваша помощь, я понимаю необходимость восстановления душевных сил.

– Мистер Стоун, я не могу...

– Можете, мисс Тиль. Однако здесь вот такая проблема. В отношении мистера Брайера ведется служебное расследование, сейчас его нахождение в должности приостановлено. С вами все не так однозначно, Совет на закрытом заседании Малого круга хочет начать подобное расследование и в отношении вас. Мне удастся удерживать их от такого решения, но надолго ли? – Стоун допил кофе и поставил чашку на тумбочку с кофемашиной. Он снял очки и стал протирать линзы платком, вынутым из нагрудного кармана. Таким образом мужчина делал паузу, давая Тиль возможность переварить новую информацию.

– Если я сейчас уйду в отпуск, это лишь докажет, что я несостоятельна, – закончила его мысль девушка.

Майерс кивнул.

– Если бы даже я и просил рассказать о ваших проблемах, хотя я всегда ценил личные границы, и вы бы мне о них поведали, сослаться на душевную слабость еще хуже, – он пожал плечами, надевая очки.

– Вы пришли, чтобы сказать мне, что не можете отпустить меня? Я все понимаю, мистер Стоун, я не думала просить и кроме того прошу прощения за Нильсона, он очень старается мне помочь, но не совсем понимает, как все устроено в Совете.

Майерс улыбнулся как-то по-отечески. От него повеяло домашним теплом и уютom, но лишь на несколько секунд.

– Я пришел сказать, что не могу дать вам отпуск или больничный. Но могу направить вас в служебную командировку. Как известно, их срок не должен превышать трех недель. Скажите, этого времени хватит вам, чтобы разобраться с проблемами?

Тиль несказанно удивилась.

– Я...не знаю. То есть да, – ответила она твердо, – этого времени достаточно.

– Хорошо. Тогда скажите, куда вас направить? Мои ассистенты подготовят необходимые документы.

В час большой нужды Линда, когда была подростком, всегда обращалась к семье. После начала войны, выведя их сначала из-под оккупации ОПЗМ, она переселила близких в штат Мэн, город Уотервилл, в небольшой тихий городок вдали от суеты и тревог под присмотром представителя Северного региона. За весь прошедший год она ни разу не вспомнила о них, поэтому не помещает навестить родню, извиниться за долгое отсутствие и отдохнуть.

– В Уотервилл, – ответила Линда, и Майерс кивнул.

Формальности были улажены довольно быстро, под покровительством главы Совета документы оформили тут же, а значит Линде осталось только собирать вещи и ждать билетов на электронную почту.

Она быстро собралась, закрыла офис и хотела было по-

звонить Нильсону, чтобы тот ее забрал, но после его выхода внутри оставалось раздражение, и девушка почувствовала, что ей лучше немного побыть одной, хотя бы по дороге до дома. К счастью, в Хьюстоне недостатка в такси не было. Вскинув руку вверх, Линда тут же привлекла внимание водителя и упала в салон.

В нос сразу ударил резкий запах дешевого ароматизатора салона, сиденья неприятно скрипнули, а кроме того, девушка случайно провела ногтем по кожзаменителю, и мерзкий звук заставил ее поморщиться. Дверь хлопнула. Таксист смотрел на дорогу, из динамиков лилась какая-то клубная музыка, на которую Линда старалась не обращать внимания.

Девушка немного понизила температуру с помощью Дара, чтобы на стекле появился конденсат. Она стала выводить пальцами узоры, успокаивая себя и расслабляясь. Йога справилась с напряжением, но не слишком. Помог и Майерс. Но некоторые остатки еще неприятно кололи ее сознание, Тиль надеялась, что такими незамысловатыми действиями избавит себя и от них, но девушка неожиданно стала искать в рисунках смысл, пустые линии превращались в меч и лавровый венок, затем в сполох огня, поглощавший все, на своем пути. Линда судорожно одернула руку и стерла ладонью рисунки.

Изо рта вышло облачко пара.

– Что-то рано похолодало в Хьюстоне, – заметил таксист, – прибавлю печку, вы не против?

– Что? А, нет. Не против. Думаю, это временное явление,

скоро станет лучше, – ответила Линда. Она взяла свой Дар под контроль, постепенно температура в машине стала выравниваться.

Тиль не знала, что делать и на что надеяться, положение казалось ей безнадежным. И даже постоянно поддерживающий ее Нильсон вряд ли мог что-то сделать. Психологическая травма укоренилась невероятно глубоко и это, возможно, даже выше поведенческой травмы, это нарушение сознания, которое может быть необратимым.

Линда пережила две смерти, одну из которых помнила отчетливо. Такое невозможно перенести без последствий для психики. И вот оно. Возможно, путь оставался один, пойти к источнику проблемы, но даже мысли об этом смешны. Их или ее просто убьют. Или того хуже...

Все это напрасно. Поездка, отдых и разговоры. Тиль начала думать, что со временем кошмары утянут ее в пучину безумия, и тогда она станет опасна для окружающих, ведь стоит лишь на миг потерять контроль – все поглотит зима.

Спасало только то, что Линда не помнила, какие злодеяния творила под гнетом генерального директора, иначе, в этом нет сомнений, не смогла бы с этим справиться. Ей наверняка пришлось убивать повстанцев. Тех, кто поклялся защищать ее. Одна мысль об их ошеломленных выражениях лиц заставляла дрожать. С каким ужасом они смотрели, как Линда замораживала насмерть их товарищей, как вероломно втоптывала их идеалы в грязь. Как...

– Леди! Приехали!

Линда очнулась от забытья и посмотрела в окно: крутилась дверь в фойе ее высотки, выпуская и впуская жильцов. Дома.

– Сдачи не надо, – девушка бросила на переднее сидение купюру и спешно покинула машину.

Быстрым шагом она направилась ко входу, стала подниматься по ступеням, попутно разыскивая в сумочке ключ-карту. Девушка смотрела на нее, но не видела.

Позади кто-то закричал, Линда испуганно дернулась и повернулась на звук. Он смешался с ее мыслями, заставил вспомнить, почувствовать вину. Окружающая реальность на миг растворилась...

Тиль пришла в себя мгновение спустя. Оказалось, что незадачливый ездок на велосипеде не успел среагировать на открывающуюся дверь автомобиля, врезался в нее и упал на асфальт.

Вокруг двух участников происшествия, велосипедиста и водителя собралось несколько человек. Мужчина в едко-зеленых спортивных шортах быстро встал на ноги, отряхнулся, поправил шлем и стал осматривать велосипед. Шофер же не стал удерживать себя и сразу полез в конфликт. Но если не считать склоки, пострадавших не было. Это немного успокоило девушку.

Решив не концентрироваться на негативной ситуации, Линда поспешила пройти через дверь в фойе.

Она поприветствовала администратора на входе, показала ключ- карту. Бородатый мужчина средних лет в классическом костюме за стойкой приветственно кивнул.

– Ну и ну, а кто это там кричал, мисс Тиль? – спросил он Линду, которая уж было собиралась уходить.

– Да там... велосипедист налетел на машину, кажется, – Тиль еще раз взглянула на улицу через окна. Между двумя мужчинами все еще шел жаркий спор. Наверняка о том, кто виноват.

– Да уж, – покачал головой администратор, – надеюсь, все живы остались? Ну и кроме того, надеюсь, что машина не принадлежит кому- то из жителей нашего комплекса, – мужчина усмехнулся, – неохота сначала выслушивать, а потом разгребать жалобы и звонить в полицию.

– Все вроде в порядке, обошлось без травм, – ответила Линда. Ее надежда быстро уйти начинала растворяться.

– Безумный денек? – спросил вдруг администратор.

– Да, мистер Хершелл, вроде того, – стушевалась Линда.

– Какие- то проблемы на работе? Или дома? – Хершелл поднял бровь.

– Вы вроде не любите жалобы, – виновато улыбнулась девушка.

– А вы не жалуетесь, а отвечаете на вопрос. Большая разница.

– Есть небольшие проблемы, я некоторое время отсутствовала, теперь непросто включиться в рабочий ритм.

– Понимаю, – Хершелл облокотился на стойку.

Нет, – подумала Линда, – даже близко не понимаешь.

– Когда меня выбивает из колеи, я обычно стараюсь делать то же самое, что делал, пока был на работе. Вот знаете, с самого утра возвращал не только ритм времени, но и жизни. Если завтракал овсянкой, пока работал, то возобновляю. Вы были в отпуске?

– Нет, это..., – Линда потеряла всякое желание говорить, – было что-то вроде больничного.

– Ого, и как? Выздоровели?

– Да. Да, вполне, – ей захотелось отделаться от Хершелла с его вопросами, поскорее оказаться дома и запереть дверь.

– Отлично, – администратор улыбнулся, – тогда поскорее начинайте восстанавливать прежний ритм.

– Спасибо, мистер Хершелл. Я постараюсь, – с этими словами Линда направилась к лифту.

Сердце забилось, на душе стало беспокойно. Этот разговор только больше выбил ее. К чему были эти расспросы? Что он может сделать? Если никто не может. Так зачем пытаться лезть ей в душу?

Прежде чем девушка успела нажать на кнопку, створки лифта раскрылись, и тут Тиль резко вдохнула от неожиданности. Кислород комом застрял в горле. Она плотно сжала кулаки, взгляд сфокусировался в одной точке. Красный галстук.

Он здесь... Нашел ее. Бежать некуда. Тиль не успела отой-

ти, столкнулась с обладателем галстука, упала на землю, выронив из рук ключ- карту. В страхе Тиль попятилась назад, всматриваясь в красную ткань.

– Мисс? – спросил мужчина. Он стал идти на нее, протянув руку. Ей стало казаться, что ее пытаются схватить.

– Отойди от меня! – закричала Тиль, рывком поднимаясь на ноги.

Мужчина остолбенел. Линда пришла в себя, оглядела его полностью. Обычный офисный работник, в руке черный дипломат, на носу очки. Черт... Как неловко.

– Простите, – скомкано произнесла она, подобрала с пола ключ- карту и поспешила в лифт, сопровождаемая удивленными взглядами жильцов и администратора.

Створки медленно закрылись. Линда не моргая смотрела вперед, голова впервые очистилась ото всех мыслей, но от этого было не легче. Она будто бы потерялась в пространстве и времени. Еще несколько секунд назад кошмар был на расстоянии вытянутой руки. И как с этим справиться? Точно ли ее путь должен лежать в Уотервилл, а не в ближайшую лечебницу для психически больных?

Выйдя в коридор она прошла вдоль железных дверей квартир до своей с номером триста сорок два, приложила ключ- карту. Послышался слабый писк, после чего – щелчок замка. Девушка открыла дверь, а затем захлопнула и заперла ее, бросив карточку в миску на комод.

Тиль сняла туфли, поставила их на обувницу к остальным.

Нильсон был дома, после начала внутреннего расследования его отстранили ото всех дел, занимая лишь неофициальными консультациями, и он подолгу сидел в квартире, будучи похожим на загнанного в клетку зверя. Бывало, он ходил по комнатам, не зная чем себя занять, лишь сжимал и разжимал кулаки.

Рядом с ней утром и ночью он старался выглядеть понимающим и поддерживать, но девушка чувствовала, что и у него на душе беспокойно, но не решалась спросить. Нильсон был мало того что человеком закрытым, так еще и вспыльчивым. К разговору на повышенных тонах Тиль была не готова.

Сейчас мужчина сидел в зале на диване, щелкая каналы на широкоформатной плазме – одной из тех спонтанных покупок, что он сделал, пока находился дома. Обычно им обоем некогда было смотреть телевизор, но в последнее время у него стало больше свободного времени.

Спортивная трансляция сменялась новостями, новости – сериалом, сериал – шоу и так по кругу безо всякого постоянства.

– Быстро вернулась, – Нильсон выключил телевизор и отбросил пульт, повернувшись к ней, – все в порядке?

– Да, пришел Майерс, – ответила Линда.

– И что сказал? – оживился Брайер.

– Что ты просил дать мне отпуск, – в голосе Тиль намеренно отразила раздражение.

– Я хотел помочь. И сейчас хочу, – спокойно ответил муж-

чина.

– Спасибо. Но мог бы спросить меня, прежде чем что-то делать, – она прошла в спальню к шкафу, открыла его, вытащила чемодан.

– Я так понимаю, отпуск он дал? – с чувством собственного триумфа поинтересовался Нильсон.

– Не совсем, – не секунду Тиль замерла перед полкой, думая, что взять с собой, – Совет недоволен моими текущими результатами и долгим отсутствием, поэтому чтобы не стать предметом расследования, мы решили, что это будет командировка.

– Отпуск, командировка. Одно название, – отмахнулся мужчина, – главное результат. И куда мы поедем?

– Мы? – улыбка тронула ее губы.

– Ты же не могла подумать, что я тебя брошу?

– Нет. Конечно нет. Я просто уточнила, – Линда аккуратно складывала рубашки и сорочки. Шов к шву. Ей казалось, так правильно.

– Так куда?

– Уотервилл.

– Ни о чем не говорит, – покачал головой Нильсон.

– Там живет моя тетьа Агата, – пояснила Линда. Она отошла от шкафа, достала из обувницы легкие кроссовки. Август в Мэне может быть холодным для сандалий или балеток.

– Семья это хорошо. Они помогут справиться.

Линда резко захлопнула чемодан.

– Что? – Нильсон встал с дивана.

– Ничего. Я просто не уверена. Во всем этом. Мне кажется, ничего уже не поделать и лишь вопрос времени, когда...

Сильные руки сзади обняли ее за талию, она почувствовала тепло.

– Эй, – произнес Нильсон, – ты справишься. Мы справимся.

– Я не думаю, что достаточно выпить вкусного чаю и прогуляться по родному парку, – ответила она, кладя свои руки на его.

– С этого можно начать. А потом займемся вопросом плотнее. Тебе просто нужно успокоиться, чтобы подвергать себя тестам.

– Тестам?

– Да, – мужчина потер затылок, – в общем я переговорил с Томасом, он согласился помочь. Без огласки. Проведет тебе сканирование мозга. Как только справишься со стрессом. Так он сказал.

Томас, как правило, руководствовался логикой. Ему можно было доверять. Но что-то в словах Нильсона заставляло ее представлять себя не пациентом, а подопытной. Однако это лишь пустая паранойя.

– Спасибо ему за готовность помочь, – ответила девушка, – но мне кажется, дело в психологии.

– Не спеши с выводами и давай все делать постепенно, о'кей? Сначала Вандервилл.

– Уотервилл, – поправила Тиль.

– Точно.

Она усмехнулась и поцеловала его в щеку. Проходя мимо дивана в зале она одернула небрежно расстеленный плед, чтобы он не касался пола. Тут раздался глухой стук, и на полу оказалась бутылка виски. Оставшаяся коричневая жидкость заплескалась внутри, но ее было слишком мало, чтобы она могла вытечь наружу.

– А, черт, – прозвучал позади сдавленный голос Нильсона.

Тиль подняла бутылку и поставила ее на стол в кухне.

– Ты прятал ее или просто забыл? – спросила она неожиданно для самой себя.

– Смотрел кино, расслаблялся, оставил, наверное, накрыл пледом случайно и забыл, – ответил Нильсон.

– А почему для того, чтобы расслабиться, нужен виски?

– Ты же не будешь устраивать по этому поводу скандал? Я взрослый человек, пью не с самого утра.

– Нет, никакого скандала. Я просто хочу узнать, нет ли проблемы, – Тиль поискала глазами крышку на полу, но не нашла.

– Точно нет.

– Хорошо. Тогда почему именно виски под телевизор?

– Мне просто нравится вкус. В Легионах такого не было.

– Приятные воспоминания?

– Не слишком. Но они хотя бы есть.

– Не поняла.

– Знаешь, Линда, я иногда тебе немного завидую. Это очень глупо, я знаю. Тебя мучают ужасные кошмары о пережитом, ты видишь события, которые с тобой случались. Но ты хотя бы помнишь прошлую жизнь. А кем был я? Находясь в ОПЗМ, я видел обрывки, но теперь – ничего. Как будто кусок вырезали.

– Лучше бы я не помнила ничего, поверь, – ответила девушка.

– Мне не лучше. Я привык бороться, я мог бы бороться и справиться с этим. А как бороться с тем, чего нет? С этой проклятой пустотой в голове?

– И ты поэтому ее так заполняешь?

– Нет. Я просто возвращаюсь к знакомым вещам. Может быть, они помогут вспомнить. Может быть, я смогу любить тебя сильнее, если вспомню нас до этого всего.

Линда прониклась нежностью к Нильсону после этих слов. Она быстро успокоилась, хотя и поспешила убрать бутылку в шкаф. Они снова обнялись, девушка поцеловала его.

– Если ты привык бороться, давай бороться вместе с моей проблемой, а потом победим твою?

– Годится, – чуть подмигнув ответил Брайер, – так значит, Уотервилл?

Глава 2. Уотервилл – город, где спокойно

Уже смеркалось, когда самолет приземлился в аэропорту города Огасты, штат Мэн. Салон слегка тряхнуло, когда шасси коснулись земли, от чего Линда вздрогнула. И пока Нильсон отдыхал, надвинув маску на глаза, девушка изо всех сил старалась не спать все два часа, однако общая атмосфера этому не способствовала, ведь в салоне даже погасили свет.

Тиль повернулась к своему попутчику, и увидела как мужчина сидел, скрестив руки на груди. Голова его опустилась, рот был слегка приоткрыт. Если его не тревожить, он и не заметит, что прилетели. Девушка слегка толкнула Нильсона.

Все-таки сон оказался очень чутким, в этом она ошиблась. Брайер тут же очнулся и поднял повязку.

– Уже? – спросил он хрипло.

Тиль кивнула в ответ.

Мужчина отстегнул ремень, встал к багажной полке, спустил свой черный спортивный рюкзак, затем аккуратно поставил на пол чемоданчик девушки, затем они вместе пошли к трапу.

На улице было прохладно, к тому же, так как город стоял у реки Кеннебек, со стороны воды дул ветер, но Тиль совсем

не продрогла. Наоборот, она расстегнула темно-синий плащ, отдаваясь прохладе, сознание начинало наполняться умиротворением. Она всматривалась в свое отражение в мелких лужах, вдыхала запах мокрого асфальта, пытаясь ото всего получить если не удовольствие, то хотя бы спокойствие.

Получив багаж, Линда и Нильсон решили взять машину напрокат. Уточнив информацию в справочной, они узнали, что отсюда до Уотервилла всего полчаса езды, причем строго по прямой. Относительно выбора автомобиля Нильсон спорить не стал, хотя Тиль знала, что он предпочитает не только мощные, но и крупные машины, сама решила отдать предпочтение скромному универсалу в белой расцветке. Кроме того, поверив в свои силы, девушка решила сесть за руль. Брайер не стал протестовать и здесь.

Тиль аккуратно выехала на главную дорогу, Нильсон выступил в роли штурмана, держа перед собой телефон с картой. Однако никаких проблем с достижением конечной точки пути не должно было возникнуть: дорога вела строго по прямой без всяких поворотов.

Они пересекли первый мост через реку и стали мерно двигаться по трассе вдоль обширной парковки, вмещавшей не меньше полутора тысяч машин. Правее дороги, по другую сторону реки, раскинулся лес, полный деревьев с широкими кронами. Нильсон то и дело кивал в сторону крупных грузовиков всевозможных расцветок и принтов и так живо их описывал, как будто сам порывался иметь в гараже тягач, но

не для того, чтобы на нем ездить, а для того, чтобы просто любоваться и изредка заводить, чтобы насладиться рокотом мотора.

У Линды такой его настрой вызывал только улыбку. Она рада была слушать и о грузовиках, лишь бы отвлечься от тревожных мыслей.

Постепенно стоянки и маленькие придорожные лотки перетекли в пригород, все чаще стали встречаться маленькие одноэтажные дома с оградкой и коротко подстриженным газоном. На дворе был вечер воскресенья, никто уже не выходил из домов, все готовились к новой рабочей неделе. Иногда можно было встретить пожилую пару, сидящую в креслах на веранде и глядящих на дорогу. Неизвестно почему, быть может, в порыве умиротворения, Линда решила махнуть одной из таких пар. Мужчина в полушерстяной клетчатой рубашке заметил ее не сразу, но заметив – помахал в ответ. Этот короткий жест и мимолетная встреча двух незнакомцев, заставила Тиль улыбнуться.

– Уже идет тебе на пользу, – подметил Нильсон.

– Да. Надеюсь, ты прав.

Пересекая невидимую границу округа Уинслоу на втором мосту через реку Кеннебек, они, наконец, оказались в округе Уотервилла. Первая встреча была не слишком радушной, ведь на въезде раскинулось местное кладбище. И если когда-то его от дороги отделяла густая растительность, то сейчас все было вырублено под корень и ничто не закрывало кре-

сты, могилы и остроконечные ограды. Кладбище было безлюдно, не горели даже фонари, от чего оно казалось покинутым, а вместе с тем создавало ощущение брошенного города, который ждал впереди.

Но это впечатление быстро рассеялось.

На подъезде к городку улицы стали куда более плотными на постройки и гораздо оживленнее, несмотря на то, что стемнело уже полностью: работали местные магазинчики, горел свет и играла музыка в кафе и барах, моргала оранжевая вывеска заправки. Обе стороны дороги наполнились такими же домиками, как и на подъезде, и Линда уже начинала чувствовать уют маленького городка.

Универсал чуть затормозил, объезжая глубокую яму, огороженную оранжевой лентой с надписью «Опасно», а всего в трех-четырех метрах впереди рабочие разместили знак: «Дорожные работы». Тишину разорвал громовой стук автоматического молота.

Спустя еще несколько минут перед глазами возникла широкая зеленая табличка: «Вы въезжаете в Уотервилл. Колыбель науки штата Мэн». Руки Тиль вдруг похолодели, но сейчас это не был страх, скорее предвкушение скорого достижения цели. На все время поездки она отбросила депрессивный настрой и неверие, на несколько часов девушка поверила, что сможет отдохнуть и привести сознание в порядок, но чем ближе становился дом любимой тетушки, тем тоньше и невесомее становилась эта вера.

– Так какая улица нам нужна? – спросил Нильсон, приближая в телефоне карту.

– Кажется, Элм- стрит... – Тиль неожиданно обнаружила, что забыла полный адрес. Не может такого быть! Она стала рыться в памяти как в глубокой сумочке, где лежало все на свете. Но сколько не силилась – не могла вспомнить.

В итоге пришлось искать другой выход из ситуации: остановив машину на обочине близ пекарни, Тиль достала смартфон из бардачка и набрала номер. Вот так вот спустя больше года с последнего разговора позвонить и спросить адрес. Линда не предупреждала тетю Агату о приезде, хотя стоило бы, женщина не любила сюрпризы. Все собиралась, но потом оказалась в самолете, а потом уже выехала и решила не говорить ничего.

– Алло, тетя? – слова давались тяжело, Тиль чувствовала себя очень неловко.

– Линда?! – ответила Агата Уиклэнд. Позади шумел телевизор.

– Да, привет. Я сейчас в Уотервилле, но так получилось, что совершенно забыла, где ты живешь, не могла бы ты...

– Что ты делаешь в Уотервилле? – перебила Агата. Видимо, она вышла из шумной комнаты и плотнее прижала телефон к уху, а для лучшего эффекта решила еще и повесить голос.

– Решила приехать к тебе в гости, загладить вину за то, что пропала на год.

– И не предупредила, – возмутилась тетя, – у меня совсем ничего не готово к приходу гостей. Ты одна?

– Нет, я с Нильсоном, – Тиль украдкой посмотрела на Брайера, тот прокручивал ленту новостей в телефоне.

– Боже мой! – воскликнула тетушка так громко, что услышал не только Нильсон, но и, должно быть, люди в пекарне, – нет, ты должна была предупредить! Я очень сержусь!

– Прости, тетушка.

– А, да что с тебя взять, – мягко ответила Агата, – я всегда рада своей племяннице, даже если она нагрянет неожиданно. Приезжай, Колледж-авеню, дом сорок два.

– Спасибо, мы скоро будем.

– А где вы сейчас?

– Так, мы... – Тиль чуть опустила окно, в нос сразу ударил запах выпечки, – недалеко от «Джульетты».

– А ты можешь забрать Майло? Он как раз там, ушел за булочками больше часа назад. Должно быть снова застыл у прилавка. Уже стемнело, я волнуюсь.

– Конечно, – Тиль попыталась разглядеть сквозь окна маленький силуэт ребенка, но пока этого не удавалось.

– Спасибо, племянница. Жду, – с этими словами тетя отключилась.

– Что там? – поинтересовался Нильсон.

– Она попросила забрать Майло. Он в пекарне.

– Что за Майло?

– Ее сын.

– Взрослый мальчик не дойдет домой? – поднял бровь Брайер.

Тиль рассказывала не все истории о своей семье, у тетушки был сын от первого брака, взрослый, не так давно уехал из Уотервилла поступать в институт Огасты, хотя все уговаривали его остаться. Неизвестно, что послужило тому причиной, желание быть поближе к столице штата или стремление жить отдельно от суетливой мамы. После развода Агата, будучи женщиной очень бойкой, горевала недолго и встретила другого мужчину, от которого и родился Майло, которому на момент сегодняшнего дня было уже девять... то есть десять. Тиль совсем забыла посчитать упущенный год.

– Это не тот, который взрослый, это второй, – уточнила Тиль, отстегивая ремень безопасности.

– Ну ладно, – пожал плечами Нильсон, не показывая особой заинтересованности, – иди, я пока перепаркую машину.

Линда направилась в сторону пекарни, в то время как универсал сверкнул красными огнями, затем белыми и стал сдавать назад.

При открытии двери звонко дернулся колокольчик. Своим визитом девушка тут же привлекла внимание кассира, молодая особа в оранжевой блузке, с бейджем и в чуть примятом поварском колпаке навела на нее взгляд, широко улыбнулась и поприветствовала. Несмотря на время, очередь в пекарне была немаленькой, Линда бегло насчитала десять человек, но не могла найти среди них Майло.

За людской колонной скрывался еще зал, для тех, кто предпочитал не брать навывнос, а посидеть внутри. Но вот именно посетителей было очень мало, занят был всего один столик и, конечно же, это был Майло.

Мальчик в черной толстовке и подвернутых на штанинах джинсах сидел у окна крепко сжимая пластиковый стаканчик, из которого шел пар. Он смотрел на проезжающие мимо машины, изредка переводя взгляд на вывески и совсем не следил за временем, хотя именно для этого ему были куплены электронные часы, плотно застегнутые на запястье левой руки. Хотя возможно проблема была в том, что они обладали уж очень маленьким дисплеем, и ребенок ничего не мог разглядеть. Как можно было купить мальчику, носящему очки, такие часы?

Майло быстро обернулся на шаги Линды, и рот его растянулся в улыбке, имевшей два пробела из выпавших молочных зубов на верхнем и нижнем ряду. Мальчик соскочил со стула и быстрым шагом направился к ней, а сблизившись, заключил в теплые объятия.

– Приехала за мной, да? – спросил он, не давая Тиль опомниться.

– Да, из самого Хьюстона, – улыбнулась девушка, – что ты здесь делаешь? Мама волнуется.

– Я пришел в пекарню и пока смотрел на пирожные и думал о том, какие мне бы хотелось, забыл то, за которым пришел.

Похоже, что плохая память у них семейное, – отметила в мыслях Тиль.

– А что же ты не позвонил маме?

– А я... телефон тоже забыл, – мальчик виновато потер затылок, – поэтому я решил согреться и посидеть тут, пока не вспомню, за чем пришел.

– Неплохая идея, Майло. Но, похоже, придется вернуться домой ни с чем, – Тиль взяла его за руку.

– Подожди! – он подбежал к столику, взял стакан и вернулся обратно, сжав ее руку.

Они вместе пошли к выходу, перед дверью мальчик обернулся, глядя на прилавок в последней надежде вспомнить то, за чем пришел. Они постояли так несколько секунд, но в конце концов Майло бросил бесплодные попытки и побрел к выходу.

– Похоже, мне достанется от мамы, – грустно произнес он.

– Похоже на то, но ты не переживай. Я с ней поговорю. Может быть, даже возьму вину на себя.

– Правда?

Тиль подвела к нему левую руку, выставив мизинец.

– Это что такое? – спросил мальчик.

– Это клятва на мизинцах. Ты не знаешь, что это такое?

Майло мотнул головой. Удивительно, как быстро теряются традиции от поколения к поколению.

– Нет ничего сильнее клятвы на мизинцах. Сделай такой же жест и обхвати своим мизинцем мой. Тогда я поклянусь,

что не дам твоей маме тебя сильно отругать.

Мальчик протянул крохотный мизинец, но на удивление в нем было много силы. Когда клятва была совершена, они сели в машину.

– Здорова, пацан! Я Нильсон, – пророкотал Брайер с водительского сидения.

– Привет. Я Майло! Ты друг Линды?

– Самый лучший друг, – посмеялся Нильсон, выезжая на дорогу и подмигнул Линде, – куда едем?

– Колледж- авеню сорок два, – ответила Тиль, глянув, пристегнулся ли ребенок.

– Доставим в миг, – ответил Нильсон.

– Клянётесь на мизинцах? – спросил Майло.

Брайер и Тиль переглянулись, подавили взаимные смешки.

– Не настолько я в себе уверен, – ответил мужчина.

Всего через пять минут универсал уже заезжал к гаражу близ двухэтажного дома выкрашенного в бежевый. Тетя Агата уже вышла на крыльцо с белой оградой и терпеливо ждала гостей. Первой автомобиль покинула Линда, она открыла пассажирскую дверь и отстегнула Майло. Мальчик не решился идти вперед, взглядом напоминая о нерушимом договоре. Нильсон же заглушил двигатель автомобиля и двинулся следом. Агата заключила Тиль в долгие семейные объятия и сильно поцеловала в щеку.

От нее пахло кухней, это была такая смесь из запахов мо-

ющего средства, супового бульона и тушеного мяса, а вместе с тем и самого дома, его стен и интерьера. Агата была в самом расцвете сил, хотя и цифра ее возраста шагнула за сорок, широко раскинутые каштановые волосы дополняли образ и хорошо шли широким зеленым глазам, маленькие губы растянулись в беззубой улыбке, зашуршало длинное домашнее платье в пол, украшенное узором из цветов.

– Ах, моя любимая племянница! – воскликнула тетя, а потом добавила, – которая при этом не знает, зачем нужен телефон.

– Прости еще раз, – виновато сказала Тиль.

– А, да ладно уже. Я так рада, что ты приехала, что уже не сержусь. А где Майло? – она поискала ребенка глазами и заметила его прячущимся за Тиль, – вот он, хулиган! Где ты пропадал?

– Я..., – стушевался мальчик.

– Он долго стоял в очереди, – вмешалась Линда, – когда я пришла, там и без того было не меньше десяти человек, не могу представить, сколько было до того, – она едва заметно подмигнула Майло. Тот улыбнулся.

– Да? Вечером там вечно столпотворение. Ничего, обойдусь без выпечки, для фигуры вредно. Ну, не стойте, заходите в дом, я постелила. Здравствуй, Нильсон! – воскликнула она уже когда он последним вошел, затаскивая чемоданы.

Мужчина сдержанно поздоровался. Наконец-то они дома, а сомнения вновь отступили.

После сытного домашнего ужина гости поднялись наверх, чтобы готовиться ко сну. Им досталась комната старшего сына Агаты, которая на данный момент осталась нетронутой: в углу размещался компьютерный стол, теперь пустующий, ведь такую нужную вещь как ноутбук парень, естественно, забрал с собой.

Противоположную от него стену украшали склеенные в ряд постеры с исполнителями популярной рок- группы, рядом, чуть скошенные, висели деревянные полки, также пустующие, но следы от пыли выдавали, что раньше здесь стояли либо награды, либо фигурки на подставках, в противоположном компьютерному столу углу стояла отключенная от сети стереосистема, крупные колонки были обмотаны проводами, а сабвуфер тихо стоял во главе строя.

Широкая (для единственного жителя комнаты) кровать уже была заправлена двуспальным комплектом цвета морской волны без узоров. Край одеяла был заботливо одернут, приглашая посетителей ко сну. Но Тиль с этим не спешила.

Нильсон занес чемодан Линды, затем бросил свою сумку в шкаф, сел на край кровати, существенно продавив матрац и выдохнул.

– Добрались. Наконец- то, – произнес он и лег.

Тиль осторожно села с ним рядом, погладила его по ноге, Брайер в ответ взял ее за руку.

– Будешь отдыхать? – спросил он с надеждой.

– Хотелось бы, – глаза медленно закрывались, но Тиль бо-

ялась позволить себе заснуть. Она понимала, что когда кошмары вернутся, ее крики потревожат не только Нильсона, – интересно, стены звуконепроницаемые?

– В комнате подростка – любителя тяжелого рока? – усмехнулся Брайер, – хотелось бы, но сомневаюсь.

– Тогда мне страшно ложиться спать.

– Попробуй, мы в новых условиях как- никак. Может это поможет.

– А если нет? – Тиль заглянула в его глаза, но в них не было тревоги. Как она и ожидала. Это немного помогло, помогало всю дорогу.

– Значит объяснишь все тетке, думаю, она поймет, – спокойно отвечал он.

– Я и так нагрязнула как...

– Давай, скажи, – Нильсон широко улыбнулся и готов был засмеяться.

– Заткнись, – шутливо отмахнулась Тиль.

– Говори. Как ты там нагрязнула?

– Как снег на голову! Доволен?! – он снова заставил ее рассмеяться. Вот бы это мгновение сейчас замерло. Во льду, раз уж ситуация располагает.

– Семья для того и нужна, чтобы поддерживать в трудную минуту. И нет ничего такого в том, чтобы слегка приоткрыть завесу твоих проблем. Все вываливать, конечно, не стоит, – Нильсон встал с кровати, закрыл дверь, повесил в шкаф куртку, снял футболку и остался в одних джинсах, а

затем снова упал на матрас.

– Надеюсь, что ты прав, – Тиль приступила к распаковыванию своего чемодана.

Пустующий компьютерный стол оказался занят ее личным ноутбуком, а также скромной походной косметичкой. Немногочисленная одежда легко уместилась на двух полках небольшого платяного шкафа, плащ она повесила рядом с курткой Нильсона, сходила в ванную умыться, нанесла крем для кожи на лицо в надежде убрать растущие под глазами синяки от бессонницы. Штаны от пижамы безнадежно спадали, как не затягивай шнурок, а сорочка висела. Что ж, возможно, домашняя кухня тети поможет с этим справиться. Тиль сняла заколку, распустила волосы, расчесалась, положив заколку на угол раковины, начала чистить зубы.

Закончив с вечерним туалетом, она вернулась в комнату. Нильсон уже лежал по пояс укрытый одеялом, в ногах у него стоял ноутбук, мужчина что-то смотрел, поедая орешки, взятые из самолета.

– Взял твой ноутбук, ничего? – спросил он.

– Ничего. Что смотришь?

– Парень на практике сравнивает два пулемета, один штатный, который у нас на вооружении и один новый, который недавно выпустили. Пока, говорит, различий особо никаких, – он повернул ноутбук экраном в сторону Тиль, там мужчина в синем камуфляже в такого же цвета маске лежа стрелял из ручного пулемета, разнося одетую в серый ми-

шень.

От этого видео ей сделалось неприятно, она никак не могла это объяснить адекватно, а потому решила не озвучивать свою реакцию и просто кивнула.

– Тебе такое неинтересно, знаю. Просто поделился, – Брайер продолжил просмотр.

Тем временем Линда забралась в кровать. Подушка была очень мягкой, а наволочка пахла свежестью кондиционера, ее почти сразу потянуло в сон, но девушка тут же поборола этот порыв. Она снова встала, задернула шторы, выключила свет. Окружающую тьму рассекало только синее свечение экрана ноутбука. Она легла на спину, раздумывая о том, какие еще меры можно принять для собственной безопасности и безопасности остальных. И в то же время понимала – а что вообще можно сделать? Во сне она пока не бродила, но все может случиться впервые. На этот случай дверь заперта и окно.

– Ты будешь ложиться? – спросила она у Нильсона.

– Пока нет, досмотрю видео. Ну и тебя покараю немного. Ложись, вижу, устала.

– Да, немного, – согласилась Линда, – но я боюсь того, что случится. Боюсь снова оказаться в том кошмаре.

– Знаешь, в детстве, когда мне снились кошмары, меня всегда парализовало. Допустим, гонится за мной огромный бешеный пес, и я сначала бегу со всех ног, а потом ноги, руки и все тело перестают слушаться. Я очень долго боялся за-

засыпать, но не от того, что снова придет пес, а от того, что ничего не смогу с этим сделать. И в какой-то момент я понял, что раз это сон, на него можно повлиять. И с тех пор, когда приходил пес, я сначала бежал, а когда наступал паралич, мне усилием воли удавалось прогнать его. В такой момент я выступал против собаки. Не всегда побеждал, – Нильсон пожал плечами, – но всегда боролся. Попробуй и ты.

– Хорошо, – Тиль ответила уверенно, но на самом деле такой уверенности не ощущала, она боялась прихода ее собственного кошмара. Но в то же время вечно бегать нельзя, нужно дать отпор. Хотя бы попробовать...

Она закрыла глаза и поначалу не засыпала, нарочно держа себя на поверхности сознания, но затем усталость взяла верх, и Тиль не заметила, как провалилась.

Ей снились одинокие застенки больницы, тишина, пустота палаты. И множественные гулкие шаги за дверью. Она лежала в кровати, не в силах пошевелиться, пристегнутая тугими кожаными ремнями, ритм шагов рос, они то приближались, то удалялись и каждый раз, когда ей казалось, что кто-то вот-вот зайдет, невидимый гость уходил прочь.

И так раз от раза, проходили секунды, минуты, часы, она лежала накрепко обездвиженная и старалась понять, что происходит, где она. Но едва ли белый потрескавшийся потолок мог ей ответить. Чем сильнее и дольше она вглядывалась в старый бетон, тем больше трещин на нем становилось, они росли и росли, и в какой-то момент Линда подумала,

что потолок обрушится на нее.

Она попыталась высвободиться, но напрасно. И снова за дверью раздались шаги, кто-то приближался к палате, затем дверная ручка стала опускаться с чудовищным скрипом, но дверь не открылась. Ручка опустилась снова. Тот, кто за дверью вновь попытался зайти, но был не в силах ее открыть. Ручка задергалась агрессивнее. Кто-то с другой стороны застучал. Удары становились все громче и громче, ручка ходила ходуном и, казалось, оторвется.

Стук сначала был громким и частым, затем прервался на несколько мгновений. Линда похолодела, но в душе теплилась надежда – ушел. После чего раздалось два сильных гулких удара, а после – тишина. Сердце девушки забилося сильнее, на лбу выступил пот. Она запаниковала, постаралась избавиться от ремней, призвала холод, но кожа не замерзала, металл цепей даже не покрывался инеем.

В дверь снова постучали. В этот раз Линда закричала. Дверь открылась, открывая ее взору черную пустоту, начавшую расти и приближаться к ней, а вскоре она обрела форму. Тот самый силуэт из кошмаров протянул к ней руки, плотно схватил за голову, с силой надавил на виски.

– Они твои враги, Линда! – в приказном тоне произнес мужской голос, – убей их, Линда! Убей их всех! Линда! Линда! Линда...

Девушка закричала громче, вырываясь из хватки и пытаясь разорвать цепи. Напрасно.

– Линда! – раздался голос Нильсона, а девушка рывком вернулась в реальность. Не сразу проявились очертания комнаты.

– Черт возьми! – вскрикнула она, резко вскакивая с кровати, подбегая к двери и проворачивая защелку замка.

В коридоре горел тусклый свет. Не помня себя и почти не различая дороги Линда ввалилась в ванную, открыла на полную холодную воду и подставила лицо под поток.

Кто-то сзади взял ее за штатнину. Вскрикнув Тиль резко повернулась, создавая в руке толстую сосульку. Но оказалось это был Майло. Мальчик отшатнулся назад, но затем стал с интересом разглядывать девушку и в частности лед в ее руке.

– Ого. Вот это да, – шепотом произнес Майло, – это как?

Тиль не сразу ответила ему, приходя в себя, а затем осознала ситуацию. Сосулька тут же исчезла. Если бы она не остановилась, а просто повиновалась бы инстинкту, кто знает, что бы произошло. Она все-таки опасна.

– Как ты это сделала? – настойчиво повторил вопрос мальчик. Он стоял перед ней в полосатой голубой пижаме как минимум на размер больше, от чего снова пришлось подвернуть штанины, очков на Майло в этот раз не было.

– Что сделала? – Линда решила попробовать все отрицать. Все равно зрение ребенка было не слишком четким.

– Ну... сосульку! – Майло отвечал таким тоном, что его было не провести.

– Глупости какие. А ты чего здесь делаешь так поздно? –

поспешила сменить тему девушка.

– Да я в туалет шел, потом увидел, как ты туда забежала.

Подумал, может тебя тошнит.

– И что ты собирался сделать?

– Не знаю, – ребенок отвел взгляд, – что-нибудь. Но тебя же не тошнит, значит ничего делать не надо.

– Это точно, – она положила руку ему на плечо, закрыла кран и вышла в коридор, – мама спит?

– Да, в зале. Опять заснула перед телевизором. Я ей сказал, что если будет много смотреть телевизор, будет носить очки как у меня.

– Молодец, – усмехнулась Линда, – ты очень заботливый. А теперь иди спать.

– Я вообще-то все еще хочу в туалет.

– А..., – Линда сделала шаг в сторону, пропуская Майло вперед. Он проводил ее взглядом и закрыл дверь.

После этого девушка вернулась в комнату и снова щелкнула замком. Нильсон, конечно же, не спал. Он выжидающе смотрел на нее, ждал рассказа.

– Снова кошмар. Ничего нового не расскажу..., – устало произнесла Тиль.

– Что насчет борьбы? – уточнил он.

– И шанса не было, – Линда вновь залезла в постель, но та была насквозь мокрой от ее пота, – я оказалась прикована к кровати.

– И снова он?

– Да.

– Черт, – Нильсон потер подбородок, – в такие моменты я чувствую, что это моя вина. Если бы я не угодил к ним, ты бы не пошла за мной и...

– В этом нет смысла. Я сама приняла это решение. Один должен держаться, мы оба не можем себя бичевать.

– Ты права. Я лишь хочу помочь.

– Спасибо, – Тиль на несколько секунд задумалась, – в общем-то, помочь ты можешь.

– Как?

– Я знаю, что у тебя с собой. Доставай. Я заметила, когда ты открывал сумку, завернуто в одежду.

– Ну и ну, ничего от тебя не скроешь, – произнес Нильсон виновато, – он подошел к шкафу, стал искать в сумке, после чего достал полупустую бутылку того самого виски, который начал еще в Хьюстоне.

Тиль молча взяла бутылку из рук, свинтила крышку, вдохнула запах, а затем стала опустошать ее. Горячая жидкость обжигала горло, к десятому глотку девушку замутило, но она не сдавалась.

– Линда, ты полегче, – попытался предостеречь Брайер, но она не слушала.

Когда бутылка опустела, Тиль почувствовала себя просто ужасно. Комната начала терять очертания, во рту стоял привкус спирта. Головокружение нарастало, девушка упала на подушку, и почти сразу уснула.

Кошмары снова пришли. Но в этот раз потеряли четкость, очертания стали размытыми, а ощущения поверхностными, они пронеслись калейдоскопом мимо Линды и поток перенес ее в утро.

Девушка с трудом открыла глаза. Она лежала на животе без подушки, которая оказалась на полу. В голове осталась пустота и набирал силу гул, тело постепенно начинало выполнять команды от мозга.

За окном светило солнце, кроны деревьев качал ветер.

Девушка простонала, попыталась найти глазами часы. Но не могла. Нильсона в кровати уже не было, а дверь была открыта настежь. Она медленно вышла в коридор, зашла в ванную. Свет ламп больно ударил по глазам, так что девушка выключила его и стала умываться в темноте. Почистив зубы, она вышла и стала спускаться по лестнице в зал. В кухне слышались звуки готовки.

– БУ! – крикнул мальчик, выскакивая из-за стены в основании лестницы.

Линда вздрогнула, плотнее сжала поручень.

– Что ты творишь, Майло?! – раздраженно воскликнула она.

– Я хотел, чтобы ты снова испугалась и сделала сосульку, – спокойно ответил мальчик.

– Какую сосульку? – Линда сначала и вправду не поняла, о чем он говорит, а затем вспомнила, но продолжила гнуть свою линию, – ничего такого не было.

– Я видел. Мне же десять, я далеко не так глуп, как...

– Как кто же?

– Как те, кому восемь, например, – уверенно ответил он.

– Восемилетние мальчики тоже бывают очень умными, –

Тиль погладила его волосы и прошла на кухню.

Нильсон уже варил кофе, на сковороде прожаривались сосиски, а на столешнице в миске он расталкивал картофель в пюре.

– Завтрак был бы очень кстати, – Тиль буквально упала в обитое тканью кресло.

– Скорее уж обед, – поправил Брайер.

Тиль глянула на циферблат часов в кухне. Часовая стрелка указывала на два. Она проспала половину дня.

– Эй, малыш, – окликнул Нильсон Майло, мальчик живо устроился за столом, мужчина поставил перед ним тарелку, вилок снял две сосиски со сковороды и переложил ему, ложкой из миски наложил пюре.

– А можно мне кофе? – спросил мальчик, но встретился с неодобрительным взглядом Брайера.

– Кофе только взрослым. И то не всем, – Брайер косо посмотрел на Тиль, – маленьким у нас..., – он открыл холодильник, – шоколадное молоко?

– Пойдет, – радостно ответил мальчик и получил свою порцию в кружке.

– А тебе, дорогая, – Нильсон поставил перед Тиль пустой стакан, затем извлек из холодильника два яйца и поочередно

разбил их, выливая содержимое в стакан.

Тиль поморщилась.

– От похмелья – самое оно, – ответил он и стал накладывать вторую порцию обеда.

– Что такое похмелье? – спросил Майло.

Взгляды Тиль и Нильсона скрестились.

– А ты не слишком любознательный паренек? – с легким раздражением в голосе сказал Брайер.

– Нильсон! – осадила его Линда, от повышения голоса кольнуло в висках.

– Да я так.

– Это типа головной боли, – объяснила Тиль, – она наступает при определенных условиях.

– Ясно, – получив ответ, ребенок потерял всякий интерес, – вот насчет сосульки...

– Я же сказала, что никакой сосульки не было, – спокойно ответила Тиль. Тут важно проявлять настойчивость.

– Поклянешься на мизиничках? – вдруг спросил Майло.

Стоит признать, что он ее переиграл. Разрушать детскую веру в правду и нерушимость клятвы на мизинчиках она никак не могла. В конце концов, кто поверит ребенку?

– Нильсон, дай чайную ложку, – сухим голосом попросила она.

Взяв ложку, она положила ее в кружку Майло, после чего прикоснулась к этой кружке пальцем. Поверхность покрылась тонким слоем инея, а содержимое тут же замерзло. Тиль

потянула за ручку ложки и с хрустом вытащила мороженое, протянув его ребенку.

– Уа- а- у, – широко раскрыв глаза, Майло взял из рук девушки мороженое и принялся его облизывать, – холодное очень!

Линда улыбнулась. Нильсон же с легкой усмешкой покачал головой: демонстрация пришлась ему не особенно по вкусу.

Мальчик же был в восторге.

– Это что, магия? – прищурился он, когда восторг чуть утих.

Тиль ответила не сразу. Неожиданно для самой себя она испытала легкий укол зависти: как же, должно быть, хорошо жить в мире, где есть место магии, где самой большой странностью кажется замерзшее шоколадное молоко, а вовсе не...

Пламя. Бешеный, противоестественный огонь, разливающийся по её венам. Организм, плавящийся под аккомпанемент невыразимой боли.

Айсберг. Уровни подсознания, каждый из которых хранил новые и новые секреты, старался прятать их как можно дальше от осознанных мыслей.

Тени. Хоровод черных фигур, приходящий в кошмарах – каждую ночь, а теперь еще и каждый день.

От одних лишь воспоминаний тело словно сковала судорога, все морщины пролегли глубже обычного, а мышцы застыли, будто сделанные из жесткой сухой резины.

– Да, Майло, – произнесла девушка в итоге, и голос предательски дрогнул, – это что-то вроде магии. Но чем больше людей о ней знает, тем хуже она работает. Понимаешь?

Тиль сделала большие глаза, и мальчик быстро закивал:

– Секрет есть секрет! Я все понимаю, – заговорщически прищурился он.

– Обед остывает, – пророкотал Брайер, уже заканчивая накрывать на стол, – предлагаю насладиться.

Аромат горячей пищи сперва привлек девушку, но стоило ей попробовать, как организм тут же отозвался худшими позывами.

– Я сейчас, – стиснув челюсти, произнесла Линда и выскочила из кухни. Напоследок заметила провожающий её взгляд мужчины, наполненный пониманием.

Тиль согнулась в уборной. Её выворачивало наизнанку: ощущение было омерзительным, но в довершение каждый спазм отдавался вспышками головной боли. Будто тело расплзлось по швам.

Но мыслями девушка была далеко. Думала она о том, что прошедшей ночью, которая пролетела, как один миг, кошмары словно сделали шаг назад. Уступили место крепкому алкоголю?

Можно ли его считать выходом?

Пришлось почистить зубы снова: во рту стоял отвратительный вкус, и больше всего хотелось упасть обратно в кровать.

Она направилась обратно на кухню. Выдохнула с облегчением, услышав краем уха, как Майло уходит в свою комнату: к счастью, хотя бы не придется отвечать на новые неудобные вопросы.

– Прости, – пробормотала Линда Нильсону, перешагнув порог, – понимаю, что перебрала. Но это было...

– Перебрала? – мальчик, как ни в чем не бывало, сидел за обеденным столом, уплетая вторую сосиску.

Тиль обернулась к коридору, и по её спине пробежала дрожь.

– Что-то не так? – спросил Брайер, перехватил её взгляд. Видимо, движение вышло куда более резким, чем хотела девушка. Но ведь не могло же ей показаться!

– А... Агата еще не вернулась с работы? – спросила Тиль, постаравшись сделать голос беззаботным.

– Да она два часа как ушла, – прозвучал беспокойный ответ мужчины, – столько бы ты не проспала.

Проспать бы сейчас целую вечность, в тон голосу Нильсона прозвучали мысли. Спать и спать, пока всё это не останется далеко позади.

– А зачем тебе мама? – Майло вернулся к привычным своим расспросам, – она утром удивилась, что ты еще спишь! Зачем ей Агата, в самом деле. Чтобы в чем-то убедиться? Не было там никого. Спокойно.

Линда сжала кулак. Сильно, до боли, пока ногти не врезались глубоко в кожу. Лишь тогда стало немного полегче.

– Я сама удивилась больше всех, – усмехнулась девушка, – я что-то не хочу есть. Можно просто воды?

– Конечно! – Майло среагировал раньше Нильсона, – а ты сможешь её заморозить?

Мальчик с энтузиазмом набрал стакан из кулера, протянул его Линде и уже не сводил заинтересованного взгляда.

– А как тогда пить? – она покачала головой, – давай просто охлаждаю.

Одного усилия мысли было достаточно, чтобы поверхность жидкости покрылась тонкой коркой льда. Ребенок наблюдал за зрелищем, как замороженный.

Магия? Тиль покачала головой: ничего по-настоящему эффектного она не совершила. Особенно в сравнении с чем-то действительно...

Пламя. Жжет изнутри, заставляет кожу лопаться от невыносимого жара.

...ярким. Подумаешь, всего лишь стакан прохладной воды.

Жидкость приятно смочила горло. Вода оказалась настолько холодной, что даже уколола рецепторы. И, что куда важнее, очистила разум.

– Спасибо, – искренне поблагодарила Линда, – а теперь, извините, я вас оставлю.

Нильсон, до того молчавший, преодолел разделяющее их расстояние в три шага и неожиданно строго спросил:

– И куда это ты планируешь идти?

– В спальню, – девушка пожала плечами, – что-то меня мутит, нужно еще немного отдохнуть.

– Нет, – твердо обрубил мужчина, – так ты добьешься только одного: будет выброшен остаток дня. На самом деле мы поступим по-другому.

– То есть? Может, я лучше знаю, что мне нужно?

– Нет, не знаешь, – все тот же тон полководца Армии Освобождения, не терпящий возражений, – к счастью для всех, в вопросах вот таких последствий ты мало что понимаешь. Сейчас прогуляемся, надышимся свежим воздухом. Там, глядишь, и аппетит нагуляем. Может, еще и присмотрим какое пирожное.

На последних словах Брайер с усмешкой подмигнул Майло, который уже с готовностью потирал руки.

Тиль не стала спорить. Как бы ни протестовал организм против любого выхода в свет, как бы уставшее сознание ни требовало тишины и покоя, разум был сейчас на стороне Нильсона: развеяться им было просто необходимо.

– Пойдем, – выдохнула девушка в итоге. Она помогла мужчине закинуть посуду в мойку и добралась до спальни. По дороге поймала себя на том, что в каждый промежуток между шагами вслушивается в царящее в квартире спокойствие.

Но больше ничего ее не тревожило, и подкрадывалась неприятная правда, которую Линда сперва старалась гнать еж в зародыше: не было никаких шагов и в помине. Все

придумало её воображение, измученное страхами последних дней.

Девушка не стала одеваться слишком тепло: к низким температурам не её был иммунитет. Да и очень уж хотелось почувствовать на коже дуновение прохладного ветерка. А потому простое летнее платье стало лучшим вариантом.

Нильсону и Майло собраться было еще быстрее. К тому времени, как Тиль закончила, представители сильного пола уже ждали её внизу.

Почему-то перед самым выходом девушку стали одолевать сомнения. Резко расхотелось покидать уют этого дома. Скорее, наоборот: забежать на второй этаж, нырнуть под одеяло и не выбираться оттуда.

И вновь её нерешительность была замечена Брайером, который перехватил инициативу.

– Ну что, пацан, давай нам экскурсию! – потребовал мужчина, – машину заводить не будем, прогуляемся так. Под твоим командованием.

– Хорошо! – быстро сориентировался мальчик, – тогда давайте начнем с нашего парка. Мы с мамой туда ходили, еще когда я маленьким был. За мной!

Видимо, «под командованием» было воспринято очень уж буквально. Линда почти заставила себя улыбнуться.

Дом оставался позади. Тиль, испытывая желание вернуться, обернулась и бросила прощальный взгляд на окно их с Нильсоном комнаты.

И почувствовала, как тело колотит крупная дрожь. Как трясутся пальцы, мозг отказывается верить глазам, а сознание уже бьет алую тревогу.

Там, на втором этаже, за шторой, кто-то стоял. Лишь намек на силуэт, неясная тень, выделяющаяся в контуре окна.

Глава 3. Сомнамбула

Оказалось, что парком, о котором говорил Майло, оказалась щедро озелененная площадь перед главным зданием колледжа Колби, тем самым престижным университетом в Мэне. Несмотря на конец лета, деревья еще не спешили сбрасывать листву и покрываться золотом, раскачивающиеся на прохладном ветру они тихо шелестели. Сама площадь не была безлюдной; кажется, здесь проводился какой-то небольшой фестиваль: стояли палатки с различными товарами, в том числе и рукодельными, кроме того, на прилавках можно было найти конфеты, игрушки и книги. Линда не знала, имел ли мальчик представление о фестивале и повел их сюда нарочно, чтобы как бы невзначай получить в подарок угощение (особенно после слов Нильсона о пирожном), ведь Майло уже показал себя довольно смышленным, а может, это просто совпадение, и Агата и правда водила его сюда на прогулку, а мероприятием он не интересовался. Что ж, во второе верилось с трудом.

Линда улыбнулась своим мыслям, однако же не могла выбросить из головы то, что видела. Силуэт.

Впрочем, она уже легко списала послышавшиеся ей шаги на усталость и сильное давление кошмаров, что мешает так же сделать и сейчас? Наверное, то, что в этот раз Тиль четко

понимала – там кто-то был. Силуэт не олицетворял никого из ее кошмаров, вот деталь, которая и заставила так отчаянно зацепиться за этот факт.

В своих размышлениях Линда не заметила, как осталась на несколько десятков шагов позади от Нильсона и Майло, которые уже с интересом изучали торговые палатки. Между тем, ее собственный взгляд задержался на готовящейся к представлению сцене: рабочие вешали свет, раскручивали провода для колонок, пересчитывали необходимое оборудование. Однако она с тревогой думала о возможном предложении остаться на концерт, ей хотелось как можно скорее оказаться дома.

Почему?

С недавних пор и дома, возможно, стало небезопасно, однако бороться с инстинктами было нелегко – забиться поглубже в родную пещеру, закрыть вход камнем и просто переждать непогоду. Проблема была только в том, что непогода была внутри, а не снаружи и бежать можно сколько угодно – себя ты всегда берешь с собой.

Она не могла поддаться общему веселью и расслабленности, тревога только росла. Линда знала, что единственный шанс побороть ее – вернуться в дом, с шумом распахнуть дверь комнаты и рассеять все сомнения по поводу пребывания незваного гостя. Но можно ли поступать так легкомысленно? Не лучше ли тогда обыскать весь дом, ведь кто знает, что скрывается в темноте подвала? Для этого придется рас-

сказать обо всем Нильсону. Но можно ли надеяться, что он поймет? Он желает лучшего, за это она благодарна, но в то же время не терпит компромиссов. И это задевало, поскольку такое твердое отношение явно показывало, что Линда больна. А она сама не хотела этого признавать, хоть и понимала проблему.

Между тем Майло уже обзавелся длинной лакричной конфетой, а Нильсон, улыбаясь и качая головой, отсчитывал деньги из бумажника. Мальчик повернулся в ее сторону, заулыбался и помахал рукой, откусывая сладость. Брайер же жестом позвал ее к себе. Немного поколебавшись Тиль подошла, а он тут же приобнял ее за плечи.

– Тут полно всего интересного, – произнес Нильсон, – ребенка, конечно, заинтересовали только сладости, – он подмигнул Майло, тот улыбнулся еще шире, пережевывая конфету, – но тебя мне тоже есть чем порадовать, – мужчина протянул ей пакет, полный красных яблок. Стоило только раскрыть его, как в нос ударил сладковатый аромат.

Линда взяла яблоко: оно было спелым, плотным с маленьким черенком. Тут же откусила, на подбородок брызнул сок, но это было неважно. Свежесобранные настоящие яблоки, выращенные на фермах, а не в тепличных условиях комбинатов, ни с чем нельзя было спутать. Она совсем позабыла их вкус, ведь в Хьюстоне, несмотря на изобилие, по-настоящему вкусных плодов не было, все создавалось в крытых теплицах, а здесь – яблоко вобрало в себя еще и природу.

С большим наслаждением девушка сделала второй укус и, прожевав, поблагодарила Нильсона.

– Свежий воздух и кислые фрукты наводят порядок в голове после... – он бросил взгляд на Майло, но тот уже рассматривал другие прилавки, – изрядного количества алкоголя.

– Спасибо, – сдержанно ответила Тиль, – а надолго затянется наша прогулка?

– Мы только начали, – недоумевал Нильсон, – что-то произошло?

– Нет, – оправдывалась Тиль, а потом, немного поразмыслив, решила, – да. Когда мы выходили, мне показалось, что в нашем доме кто-то был.

– Ну-ка поподробнее.

– Когда мы вышли я обернулась назад и увидела в окнах нашей спальни человеческий силуэт, я сначала не придавала этому значения, но потом сопоставила с шагами, которые слышала в кухне и...

– Ты не говорила, что слышала шаги. Когда? – похоже, что Нильсон серьезно отнесся к ее словам.

– Днем перед выходом. Мне показалось, что Майло ушел в комнату, но когда я вернулась на кухню, он был там. Значит...

– Скверно, – произнес Нильсон.

– Считаешь, что я сошла с ума?

– Нет. Ни в коем случае. Если тебе показалось, это симп-

том. Но если нет – лучше не оставлять без внимания. Пойдем-ка проверим.

– А как же Майло? – можно ли в такой ситуации думать о том, что обидишь ребенка? Возможно все дело было в том, что сам Брайер верил в реальность ее опасений даже больше.

– Ничего, поймет, – ответил Нильсон, он присел перед мальчиком на корточки, – пацан, нужно идти домой.

– Как? Мы ж только пришли! А концерт?

– Линда совсем забыла вернуться к своей батарее, – не моргнув глазом, соврал Нильсон.

– Какой такой батарее? – мальчик уже потерял интерес к празднику.

– Магия Линды, – Брайер понизил голос и огляделся по сторонам, – должна заряжаться от специальной батареи. Если этого не делать, она, как и сама Линда, ослабнет.

– Ого, я этого не знал. Тогда нужно поторопиться?

– Все правильно, парень, – кивнул Брайер.

– А вот все же есть время посмотреть вон ту книжку?

Линда и Нильсон переглянулись, но не смогли отказать.

Они быстрым шагом пересекли все улицы, что отделяли университетскую площадь от их дома. Брайер даже взял ребенка на руки, только чтобы добраться быстрее. Оставив их у крыльца, Нильсон сам первым вошел в дом. Осторожно он осмотрел каждый угол, всмотрелся в ковры, прошел на второй этаж. Линда видела, как он маячит за окном их спальни. Она сама тревожно глядела по сторонам, взяв Майло за

плечи.

Нильсон вернулся и сообщил, что дверь была закрыта на щеколду, как и окно, на входной нет никаких следов взлома, все в доме на своих местах, как и с момента их ухода. Если тут кто и был, то он бестелесен.

Линда покачала головой. Похоже, опять навязчивые образы, не связанные с реальностью. Однако ей стало приятно от того, что Нильсон всерьез воспринял ее опасения.

И действительно, нельзя отвергать вероятность того, что агенты врага могут охотиться за ними обоими, ведь две ключевые фигуры Армии Освобождения сейчас наиболее уязвимы в маленьком городке. Однако возможного нападения Линда боялась меньше всего. Если чему-то и научил кошмар, произошедший с ней, так это – постоять за себя. А с Нильсоном ей вообще ничего не грозит.

Они оставили Майло в зале, включив тому телевизор и вручив пульт. На часах было около четырех, сами Одаренные решили все же подняться в свою комнату.

– В этот раз обошлось, – сказал Нильсон, закрывая дверь.

– Теперь все смешалось, как мне отделить свои видения от реальности?

– Очень просто, – пожал плечами Брайер говоря так, как будто это для него обыденность, – вражеский агент не стал бы пугать тебя взглядом из спальни, это следовало учесть. Однако я решил действовать.

– Как всегда.

– Как всегда, – твердо проговорил Брайер, уверенный в себе, – как ты? Голова получше?

– Да, немного, – тошнота и правда отступила, однако свежий воздух добавил головокружения, и все же сейчас, лежа в постели на мягкой подушке, Линда чувствовала себя расслабленно и хорошо.

– Отдохни тогда, я пойду поболтаю с Майло.

– Понравился?

– Да, славный парень, – Нильсон улыбнулся, затем вышел из комнаты, аккуратно закрыв за собой дверь.

Линда осталась одна в тишине и поначалу ей было спокойно, но это длилось недолго, сразу же подступила тревожность. Явится ли снова этот силуэт и кем он был? Неужели ее кошмары принимают новый оборот? А может быть, все было только пьяным бредом и не стоит обращать внимания? Несмотря на все негативные последствия, выпивка оказалась эффективным решением. Не полезным. И ни разу не правильным, но эффективным. За последнее время Линда готова была даже заплатить здоровьем за возможность спокойно проспать несколько часов. Все хорошо, но в меру, а она слишком переусердствовала. Может быть, меньшая доза окажет нужный эффект, но не будет так сказываться на состоянии? Нужно только пополнить запасы.

Тиль усмехнулась сама себе, а затем ей стало самой от себя противно. Только недавно отчитывала Нильсона за решение проблем через бутылку, а теперь что? Лицемерит.

Какая мерзость.

Однако в голове укоренилась отвратительная мысль о том, что сейчас нужно пойти на небольшую сделку с собой, чтобы потом, когда все станет нормально, когда отдых поможет, сон нормализуется, она сможет не прибегать к помощи алкоголя. Не слишком ли малая цена за выздоровление?

От этой мысли Линда вскочила с кровати. Ей было противно и в то же время тревожно, она не знала, куда себя деть. Она прошла в ванную, открыла дверцу шкафчика и всмотрелась в содержимое. Среди бритв, бутылочек с лосьонами и кремами на самой нижней полке обнаружили вата, бинты, йод, какие-то мази и... то, что она, сама того не зная, что она искала. Линда осторожно вытащила все пузырьки с таблетками, поставила их перед собой вертикальную стиральную машину и стала вчитываться в названия. А вот и оно: флунитрапам. Снотворное. Лекарство. В этом ничего такого нет, нужно только следовать инструкции. Линда повернула пузырек, посмотрела дозировку: «...при бессоннице – 1 таблетка перед сном».

«Побочное действие, – скользнул взгляд дальше по надписи, – при взаимодействии с алкоголем вызывает провалы в памяти». Это ей не пригодится. Девушка вытряхнула из пузырька две таблетки, вернула все на место, а затем вернулась в спальню и положила их в прикроватную тумбочку. На ночь пригодится. А сейчас ей правда не помешает расслабиться. Взяв в кровать ноутбук она принялась искать себе развлече-

ний в Интернете: пролистывала новости, смотрела видео, а потом решила послушать подкаст о политической ситуации в стране.

И уснула, сама того не осознав.

– Линда, – мягко проговорил до боли знакомый голос.

Девушка тяжело открыла глаза и увидела Нильсона, стоящего перед ней. Мужчина был одет для выхода на улицу. Не переодевался? Или куда-то ходил?

– Я что, опять заснула? – с легким испугом спросила она больше самой у себя.

– Да. Собирайся, пойдем, – Нильсон протянул ей руку, она взялась за нее, и мужчина легко вытянул ее из кровати.

Линда быстро оделась и, казалось, уже через мгновение они вышли с ним на улицу, прогуливаясь по тротуару вдоль шоссе. Она чувствовала себя спокойно и умиротворенно, хотя, если успевала задуматься на мгновение, а зачем она вообще вышла? Вроде бы хотела расслабиться.

– У тебя все хорошо? – спросил Брайер.

– Да, – неожиданно для себя ответила девушка. Быть может, все проходит? В голове ощущалась необычная легкость, как будто все проблемы, навеянные кошмарами, остались где-то далеко позади.

Она не могла вспомнить хоть один.

– А где Майло? Мы не взяли Майло, – девушка оглянулась назад, но дом Агаты уже скрылся за горизонтом.

– Он не нужен, – сухо ответил Брайер.

В конце улицы виднелось маленькое заведение с мерцающей вывеской, спустя всего пару шагов пара оказалась перед входом, Нильсон замер на крыльце, повернулся к Тиль и легко поцеловал ее. Девушка ответила, однако что-то было странное в этом поцелуе, после его губ она чувствовала какой-то горьковатый привкус.

Они стояли в упор к двери, но Линда почему-то не могла разглядеть ни вывеску, ни окружение, но как только они вошли, интерьер показался ей смутно знакомым, наименование вертелось на языке, но ускользало, дразня ее сознание.

Линда и Нильсон сели за маленький столик в удобные кресла друг на против друга. Местечко пустовало, хотя снаружи казалось оживленным. Брайер листал меню. А где ее? Но в то же время девушка понимала, что сразу знает, что хочет заказать.

Мир на мгновение потерял краски и фокус, девушка мотнула головой, моргнула несколько раз, а потом увидела как приветливый официант ставит перед ними две тарелки.

– Он хочет вам кое-что сказать, – произнес парень, поворачиваясь спиной и уходя.

Тиль непонимающе посмотрела на Нильсона, тот уже держал ее за руку.

– Это было ошибкой, – проговорил он внезапно.

– Что? – Тиль не понимала, о чем он.

– Ну, это. Ты понимаешь.

– Нет. Я не понимаю. Что ошибка?

– Это все. Не надо было уезжать. Не нужно было пытаться убежать.

– Но...ты же сам настоял, – сердце девушки забилося сильнее, ей стало душно.

– Я? Никогда такого не говорил. Мне все нравилось, – пожал плечами Нильсон и наколот на вилку лист салата из ее тарелки.

– Ты же сам сказал, что мне нужно отвлечься, – комната стала расплываться. Сердце билось сильнее. Неужели она близка к обмороку? Такого никогда не происходило, но все давило в сто раз сильнее, из приветливого уютного кафе место превратилось в душную клоаку.

– Пошли домой, – Брайер поднялся, утерев лицо салфеткой и взял ее за руку, но теперь она не чувствовала любящего прикосновение, теперь оно ощущалось, как болезненный зажим.

Они тут же покинули кафе, но после того как открылась дверь, их встретила не улица, а длинный коридор, конца и края которому не было, он постепенно обретал очертания, стены серели, возникали двери, на которых блестели таблички: «Отдел экономического информирования», «Отдел военного информирования», «Отдел социально-демографического информирования». Но последняя вызвала у нее неподдельный шок: «Заместитель генерального директора».

В этот же момент Линда поняла, что руку ее держит не Нильсон, а *он*.

– Идем домой, – проговорил Константин, открывая перед ней дверь своего кабинета.

– Нет! – закричала Тиль вырываясь. Она освободилась на удивление легко и встретила с искренне удивленным взглядом генерального директора.

– И почему же? – спросил он, но не получил ответа.

Девушка побежала прочь. Почему- то обуви на ней не было, ноги впервые за долгое время холодила поверхность, которая становилась все более и более неровной, ухабистой, грязной. В ступню больно впились камни.

На очередном шаге Тиль испытала резкую режущую боль в лодыжке, и тут же обе ноги подкосились...

Она лежала на полу, истекая кровью. Девушка пришла в себя, глаза её распахнулись, но крик никак не слетал с губ. Тишь помнила каждое мгновение сна, вплоть до самого пробуждения. Она чувствовала все: и кровь, толчками вытекающую из тела, и резкую боль, которой отзывалась конечность.

Но только сейчас распахнутые глаза начали воспринимать происходящее вокруг.

И первое, что поняла Линда, полоснуло сильнее любого ножа.

Она была не в своей комнате. И даже, судя по всему, не рядом с ней. Да, это все еще дом Агаты, но...

Во сне она прошла целых два коридора, и открыла одну за другой две двери. По телу пробежали мурашки.

А кроме того, была на улице. Об этом говорила распахну-

тая входная дверь.

Порез на ноге продолжал кровоточить. Рядом лежали блестящие осколки: кажется, она ногой задела зеркало, уронила и именно о него глубоко рассекла кожу и плоть.

Линда поднялась с пола. Раненая конечность вновь откликнулась на это движение острой болью, но девушка быстро перенесла вес тела на другую ногу.

Значит, теперь еще и хождение во сне. Тиль пыталась задушить растущую глубоко внутри, медленно набирающую силы панику.

Что с этим всем делать?

Она шаг за шагом добралась до ванной, припадая на раненую ногу. Та отвратительно ныла, но девушка шагала, не сдаваясь. Линда заперлась, включила воду, нашла бинты и антисептик, с трудом остановила кровь, наложила повязку.

В ночном полумраке уютный дом казался прибежищем какой-то темной силы. Больше всего ее пугало то, что детали сна с каждой секундой стирались из памяти, но она отчетливо помнила мысль о возвращении домой. Но почему это именно Куб? Неужели все?

Она гнала эти мысли, думая, что во сне происходит всякий бред, не нужно воспринимать это серьезно. А вот походы во сне...

Кто знает, сколько крови вылилось бы, не проснись Тиль от кошмара.

Шагов она не слышала. Лишь в пустом коридоре, стои-

ло пройти его полностью, Линду отвлек легкий скрип. Инстинктивно девушка повернула голову на звук: скрип донесся из большого платяного шкафа со стеклянными створками. Показалось? Ну уж нет, не на этот раз!

Она сделала шаг к источнику скрипа, приготовилась открыть дверцу и развеять все опасения. Но не смогла победить страх. Страх, который сковал тело при одних лишь догадках, *что* Тиль может там обнаружить.

Спешным шагом одаренная покинула коридор, не раз вздрогнув. Этот поединок с собственным страхом она проиграла.

Наконец, Линда добралась до нужного помещения. Еще с порога она услышала мерный шум дыхания Нильсона: мужчина спал, как ни в чем не бывало. Сразу же захотелось залезть к нему под одеяло, укутаться поглубже и не вспоминать обо всем, что останется тогда снаружи. И поспать, конечно же. Последнее казалось, наверно, самым важным.

И самым сложным: девушка не могла рассчитывать на здоровый и спокойный сон, как бы ни хотела. Потому что стоит сомкнуть веки, как все начнется заново.

И тогда она вспомнила.

Судорожно Линда выдвинула верхний ящик прикроватной тумбочки. Украдкой взглянула на Брайера – тот крепко спал, не реагируя на её поиски.

Рука судорожно шарила по дереву, пытаясь нащупать белые таблетки.

Есть! Вот они, наконец- то. «При бессоннице – 1 таблетка». Не долго думая, Тиль отправила белый кружок в рот.

Меньше секунды она колебалась, а потом, повинувшись внутреннему чувству, проглотила и вторую таблетку вслед за первой.

Вот, так. Теперь точно поможет.

Двойная доза снотворного, словно в нокаут, надежно отправит её в глубокое забытие.

Девушка забралась под одеяло. Прижалась к спине Нильсона. Все тело колотил озноб – то ли от страха, то ли от постоянного напряжения, то ли от очередной бессонной ночи...

Нужно было все же заставить себя заглянуть в тот шкаф, думала она. Может быть, это стало бы хотя бы промежуточной победой. «Взгляни страху в глаза» – так, кажется?

Но мысли о том, чтобы вернуться и проверить, Тиль, конечно же, не допускала.

Сколько все это может продолжаться, мелькали отчаянные мысли у Линды. Что бы ни происходило, оно сейчас медленно, удар за ударом, уничтожает её изнутри.

Ее снова окутал сон, подкрался тихо и незаметно. Но на этот раз она спала, словно убитая.

Больше во сне она не ходила, и ее ночное приключение осталось тайной для остальных, разве что тетя Агата утром пожаловалась на разбитое зеркало. Это ей передал Нильсон, ведь когда Тиль проснулась, на часах снова было за полдень.

– Сегодня ты спала спокойно, – сказал он, наливая ей ароматный травяной чай из запасов тети, – даже не ворочалась, – он прищурился, – дыхни.

– Я не пила, – тяжело ответила Линда. Она не чувствовала себя отдохнувшей, сон послужил больше для перемотки времени, чем для отдыха, однако нельзя не отметить тот факт, что кошмары не пришли. Девушка ничего не помнила, а кроме того, чувствовала себя не в своей тарелке, как будто тело налилось свинцом. Должно быть побочный эффект увеличенной дозы. Но если выбирать между этим и сомнамбулией – выбор очевиден.

– Пока ты спала, съездил в город, купил фотоловушки, – Нильсон достал смартфон, открыл приложение и показал Линде, – если что-то попадет в объектив, то камера это зафиксирует и отправит мне. Одна в нашей спальне.

Линда скривилась.

– Включу только перед сном, – он поднял руки, – ничего такого. Остальные по двору распределены. Твоей тетке я немного наврал, что увлекаюсь орнитологией.

– Ты думаешь, что за нами могут следить? – прямо спросила Тиль.

Нильсон нахмурился.

– Послушай, я не говорю, что опасность реальна, но осторожность не помешает, мы все же не последние люди, и у нас есть враги. Но это уже мои заботы, тебе нужно отдыхать, – он убрал смартфон в карман джинсов и переместился в го-

стиную к телевизору.

– После таких слов это нелегко, – Тиль взяла широкую керамическую чашку и проследовала за ним.

– Опасность всегда существовала, – спокойно ответил Нильсон, – но мы же как-то жили.

– Именно для этого я и переселила родственников в Уотервилл, чтобы они были вне опасности.

– Они вне опасности, я просто перестраховываюсь, чтобы развеять твои опасения. Это ты видела силуэт.

Тиль снова кольнуло. До этого момента она говорила так, будто живет обычной жизнью, а теперь снова вернулась в настоящее. И точно. Силуэт. Невидимое присутствие. Платяной шкаф...

Она замолчала, уходя в себя. Нильсон это заметил.

– Эй, – он встал с дивана, приобнял девушку и посадил рядом, – может быть, выйдем из дома?

Тиль посмотрела на входную дверь и вспомнила ночную прогулку.

– Едва ли это хорошая идея.

– Сидеть дома и вариться в собственных страхах – идея еще хуже. Давай хотя бы сходим в кино?

Линда не хотела отрываться от жизни, хотя и чувствовала, что это происходит. А еще ее одолевала тяжесть и, кажется, нарастающая мигрень. Быть может действительно стоит немного пройтись, а затем насладиться фильмом? Сразу после обезболивающего.

Голова начинала болеть, Линда вернулась в ванную, которая была уже для нее перевалочным пунктом между тем миром и этим. Место, где девушка могла подготовиться к борьбе с обеими реальностями. Она почувствовала слабый холод кафельной плитки, и снова пришли воспоминания, поэтому девушка поспешила переступить на небольшой синий пушистый коврик у ванной чаши. Снова открыла шкаф, снова нашла таблетки, на этот раз другие, запила водой из-под крана и пошла к двери, готовая к борьбе.

Своих сборов девушка толком не запомнила. Когда она вышла в прихожую, показавшись на глаза Нильсону (тот устроился на тумбочке и выглядел задремавшим), Линда будто проснулась.

– Готова! – девушка бросила взгляд в зеркало на саму себя. Негодуя качнула головой, увидев трещину внизу: Агата еще не успела вынести зеркало из дома.

Обычно Линда старалась выглядеть аккуратной и собранной. Особенности работы – нельзя было даже подумать о том, чтобы позволить себе выйти на очередное заседание или важную встречу, будучи заспанной или неопрятной. Да и девушка без лишней скромности могла сказать самой себе, что в общем-то в своей внешности ей было не на что жаловаться.

Однако сейчас, увы, Тиль смотрелась в лучшем случае... сносно. На привычное легкое платье она накинула осеннее пальто: судя по виду за окном, погода продолжала портиться.

Они уже успели предусмотрительно закрыть наглухо все окна в доме, чтобы ни ветер, ни капли дождя не проникали внутрь.

– Я ведь недолго? – в глаза бросился хмурый взгляд мужчины. Нильсон посмотрел на часы и покачал головой:

– Почти час, – вынес он вердикт.

Что? Какой час? Не может такого быть.

Может, поняла Линда, проследив за взором Брайера. Но как?

– Я ведь просто стояла у зеркала и... – она не помнила, что было буквально только что. Задремала? – вообще, можно ведь было и поторопить, – улыбнулась девушка, сглаживая обстановку.

– Ты не отвечала, – пожал плечами Нильсон, – я подумал, решила еще отдохнуть. Вот и не беспокоил.

Это было похоже на правду – немного. Но неприятный осадок вновь остался где-то на душе.

– Пойдем уже, – Линда махнула рукой, будто этот взмах мог бы разом развеять все, что её беспокоило.

Мужчина молча поднялся на ноги и открыл дверь, будто приглашая девушку к выходу. Однако стоило Тиль шагнуть вперед, как руки Брайера приобняли ее:

– Всё будет хорошо, – негромко произнес он, но ни слова больше не добавил.

И эта короткая фраза принесла больше тепла, чем любые мотивирующие речи.

За то время, которое девушка провела дома, снаружи действительно стало куда хуже. В лицо сразу же ударил холодный ветер, и едва- едва разлившееся по телу тепло начало таять, ускользать от неё, как вода сквозь пальцы.

Небо уже окончательно затянуло: это были даже не отдельные серые тучи, а сплошная безрадостная пелена. Какая же наступила гармония, проплыла у Тиль какая- то вялая мысль. Что внутри, то и снаружи.

Когда ветер усилился, девушка прищурилась – холодный воздух сильно ударил по глазам.

Но снова Нильсон оказался рядом. Захлопнул дверь, и ветер тут же стал слабее. Встал рядом, и девушка почувствовала твердую опору.

– Не переживай, тут недалеко идти, – ободрил мужчину, подставив Линде локоть. С готовностью она взяла Брайера под руку и полностью доверилась его воле: Тиль совершенно не представляла, куда идти.

Пока они шли через двор, она изо всех сил заставляла себя не оглядываться. Хрупкое равновесие, только- только появившееся на душе, легко могло быть разрушено черным силуэтом, который, в этом Линда не сомневалась, прямо сейчас стоит в окне и сверлит её застывшим взглядом.

Это чувство – чувство навязчивого взора, устремленного прямо в твою спину, – выводило из себя. Не давало сосредоточиться ни на чем. Но еще страшнее было бы обернуться и увидеть подтверждение страхов собственными глазами.

И лишь когда калитка уже закрылась за ними, девушка не выдержала. Стараясь не привлекать внимания Нильсона, она бросила быстрый взгляд на то окно, где в прошлый раз видела *его*. Уже почти уверенная, что человек будет там, недвижимый, видимый одной лишь ей.

Но в окне никого не было. Лишь качались занавески – с таким сильным ветром это даже не настораживало.

Не должно было. Но тревога сидела в сознании, и что-то не давало ей утихнуть. Что-то такое очевидное и простое... что-то неправильное в этих качающихся занавесках. Никак не понять, что именно.

Ерунда. Линда уже с раздражением отбросила ненужные мысли, злясь на саму себя.

Тепло внутри внушительного здания кинотеатра было почти осязаемым, пахло карамелью и жареной кукурузой.

Пока Нильсон выбирал картину и билеты, она рассматривала постеры к фильмам. Обычно внимание девушки притягивали в основном документальные картины, но сейчас хотелось бы отключить разум хотя бы на полтора часа.

«Искусство спасения», – заголовок комедии, постер которой выделялся на фоне полудюжины других своей яркой расцветкой. Линда вкратце пробежалась глазами по synopsis: ничего тяжелого. История о мужчине, который собирался уберечь любимый парк от закрытия, организовав сбор денег на реконструкцию. Листовки обещали положительные эмоции.

Взгляд Линды вернулся к окнам, за которыми стелилась сплошная серая пелена.

Положительные эмоции, коих сейчас так не хватало.

Вернулся Нильсон, держа в одной руке крупное ведро с попкорном, а в другой – жестяной стакан с холодной газировкой. Мужчина ободряюще улыбался, но в этой улыбке Тиль с сожалением читала другую эмоцию – жалость. К ней, совсем расклеившейся за эти несколько дней, конечно же. Да, Нильсон всегда рядом и всегда готов помочь, но он теперь не воспринимал девушку адекватной. Для него она нездорова и нуждается в постоянном присмотре. Неполноценна, вот будет лучшее слово.

– Через двадцать минут, – сказал Брайер, указывая на постер позади Линды, – должно быть весело.

Минуты ожидания сеанса тянулись, словно их прокручивали снова и снова. Два раза девушка ловила на себе взгляды прохожих. И её, и Нильсона рассматривали с любопытством, похоже, начали узнавать. Ей следовало быть к этому готовой, даже в маленьком городке штата Мэн если не ее, так героя всех агитационных листовок Нильсона Брайера рано или поздно должны были узнать. И если поначалу интересующиеся взгляды скользили по ним, то в какой-то момент окружили стеной, и Линда почувствовала себя в ловушке.

Вскоре любопытные взгляды сменились изучающими. Линда стала считать секунды до того, как начнут пропускать в зрительный зал. Но тогда...она окажется с ними в одном

помещении. Захотелось как можно скорее уйти, но она не могла в очередной раз подвести Нильсона и вновь показать себя беспомощной.

Повернувшись, она увидела, как женщина мгновение назад говорившая по телефону, стала смотреть на неё, отложив устройство. Она пошла прямо на неё, и Линду пронзил холод. Кто она такая? Что ей может быть нужно?

Женщина приближалась, оставалось всего несколько шагов, Тиль инстинктивно зажмурилась и отвернулась, а потом услышала как шаги стали удаляться. Открыв глаза, девушка увидела, как ее "преследовательница" встречается с подругой, не обращая на саму Линду никакого внимания.

– Ты чего? – недоуменно спросил Нильсон.

– Ничего, – попыталась изобразить безразличие Линда, но вышло раздражение, – идём в зал.

Они зашли в небольшой кинозал, способный вместить около пятидесяти человек, заняли места ближе к центру. Линда вздрогнула, когда под ногами хрустнул попкорн.

Да уж, убирали здесь не слишком хорошо.

Тиль осторожно осмотрелась, они все еще приковывали взгляды. Сидевшие позади парень и девушка о чем-то шептались, изредка поглядывая на них. Не нужно быть гением, чтобы понять содержание беседы.

Нильсон приобнял Тиль, в зале погас свет. На мгновение девушка почувствовала привычную опору, но как только в зале стало совсем темно, на экране пошла задержка перед

трейлерами, она вновь разглядела в темноте силуэт. Казалось бы, как такое возможно? Среди черного разглядеть что-то, но Тиль была уверена, он здесь. Или нет...

Она взялась за голову, пытаясь привести себя в чувство. Никого там нет и быть не может. Сердце снова забилося, тревожные мысли стали заполнять голову. Неужели это охотник? А может быть хуже – она сошла с ума, теперь точно, пути назад нет. Она отчетливо видит того, чего нет на самом деле.

Экран сверкнул, высветились буквы кинокомпании, возрастной рейтинг. На том месте, где был силуэт, ожидаемого ничего не оказалось. Но Линда была уверена. Ей тут же захотелось уйти.

Нильсон тем временем зачерпнул полную ладонь попкорна и отправил в рот. Он выглядел таким беззаботным в этот момент, но в то же время она подумала, скоро ли ему надоест постоянно нянчиться со своей неполноценной второй половиной? Может быть, он уже начинает постепенно уходить от проблемы, например, отвлекаясь на фильм, чтобы не думать о ней. Принимает собственное лекарство.

Они снова смотрели. В этот раз потому, что она вела себя, как сумасшедшая: хваталась за голову, смотрела по сторонам. Нужно взять себя в руки.

Изображения на экране сменялись, герои о чем-то говорили, но суть фильма ускользала от Линды, она всматривалась в темноту запасных выходов, пыталась что-то разгля-

деть в тусклом красном свете эвакуационной таблички. Он должен быть здесь. Ведь если это так, она не сошла с ума.

Вот он!

Нет, лишь человек с первого ряда вышел из зала. Линда чуть подалась вперед, прищурилась. Глаза очень устали.

– Кого ты пытаешься найти? – серьезно спросил Нильсон.

– Никого, – быстро ответила Тиль и вернулась в исходное положение.

– Ты что, кого-то видела? – спросил мужчина полушепотом. Ей стало заметно, как он напрягся, стал бегло изучать окружение.

– Нет. Не совсем. А впрочем...никого я не видела, – Линда попыталась сконцентрироваться на фильме, но уже никак не могла. Кого она пыталась обмануть? Кого бы ни пыталась – себя не обманешь.

Он здесь. Он точно здесь, только она его не видит.

– Ты меня очень беспокоишь. Похоже, что обычных прогулок и расслабления может оказаться недостаточно, – мужчина поставил ведро с попкорном на пол и отряхнул руки.

– На что ты намекаешь? – с раздражением спросила девушка.

– Может все же стоит обратиться хотя бы к местному врачу.

– Если дело дойдет до этого, Совет меня отстранит! – чуть не закричала Тиль, но быстро заметила, как стала привлекать к себе слишком много внимания.

– Тебе дороже кресло в Совете своего собственного здоровья? – Нильсон был серьезен как никогда. Но ее убивало то, что он стал реально рассматривать возможность отвести ее к врачу.

До этого момента все было лишь небольшой междоусобной проблемой, а теперь официально перетекало в болезнь.

Взгляд снова зацепился за мимолетное движение, которое при ближайшем рассмотрении перестало казаться таковым. Человек в черном вышел со стороны эвакуационного выхода под экраном и направился к выходу из зала.

– Я видела его! – Тиль крепко взяла Нильсона за руку, – он здесь!

– Кого видела? Кто здесь?

– Я не знаю. Возможно тот человек, кто за нами следит. Тот же самый, которого я видела в окне.

– Как выглядит? Успела рассмотреть?

– Кажется, на нем был черный костюм. Роста среднего, короткая стрижка, – Тиль неожиданно поняла, к чему все шло. Взгляд Нильсона выдал его с головой. Сначала он отнесся серьезно, но затем снова стал смотреть на нее, как на больную, – нет, это не *он*, я клянусь.

– Хм, – Брайер нахмурился, – ну, пойдем посмотрим, – держась за руки они осторожно прошли вдоль ряда, открыли дверь выхода. В глаза ударил яркий свет вестибюля кинотеатра, – видишь кого-то похожего?

Тиль вглядывалась в толпу посетителей, но едва ли могла

выделить из них кого-то подходящего под описание. Решив непременно доказать свою правоту и сделать все, чтобы не видеть этот снисходительный взгляд, она врезалась в толпу, рассекая ее, бесцеремонно всматриваясь в каждого проходящего мимо, стоящего без дела или сидящего за столом. Она проломила ту стену взглядов, которая до того давила на нее, и ответила тем же.

Но снова тщетно. Никого так и не удалось найти.

– Пошли домой, – опустив голову, проговорила Тиль. В горле встал ком, на нее навалилась собственная усталость и тяжесть всего мира. Она теряла последние крупички надежды.

Нильсон ничего не ответил. И так было даже хуже. Они в молчании пошли домой, оставив позади последние попытки расслабиться и забыться.

По возвращении домой они пропустили семейный ужин. Нильсон поднялся в комнату, Тиль снова заперлась в ванной. Близилось то время, когда ей снова предстоит или показать силу, или бессильно опустить руки. Тиль достала таблетки, сжала в кулаке два белых кружка.

Она видела его. Точно знает, что видела. Осталось только понять, кого «его»?

Тебе не убежать от меня. И от себя тоже, – проговорил уже знакомый голос.

Линда сильно зажмурилась, выдохнула. Нет. Не будет так. Она приняла таблетки, запив водой из-под крана и напра-

вилась в кровать.

Опустившись на подушку, она почти сразу исчезла из этого мира, чтобы переместиться в другой, и была рада объятиям пустоты.

Тиль снова очнулась одна, но в этот раз не успела встать с кровати, как в комнату вошел Нильсон и сел на край кровати. Он выглядел растерянным. Девушке начало казаться, что все это очередной бредовый сон. Мужчина молча протянул ей смартфон с включенными фотографиями.

Линда взглянула на них, на мгновение ее сердце замерло: камера запечатлела, как она бродила по двору в поисках чего-то или кого-то. Ошибки быть не могло, следующее изображение показывало их спальню, Тиль стояла у половины кровати Нильсона, вытянув руку вперед и, кажется, волосы его стали покрываться инеем.

– Я бы и не придал значения, когда проснулся. Но увидев остальные фотографии...

Изображения и вправду навевали страх, Линда стояла ночью на дороге перед домом, потом бродила по заднему двору, уничтожила небольшой сад тетки, цветы увяли от холода. Похоже, теперь побег в сне превратился в желание навредить.

Любые фразы встали ей поперек горла.

– Сегодня поедem к врачу, – слова Нильсона ножом воткнулись в сердце.

Глава 4. Разбудите меня, доктор

По дороге она пыталась что-то сказать, пыталась как-то повлиять на Брайера, но тот хранил молчание, отвечая лишь короткими фразами. Сперва Линда не понимала, в чем причина такого состояния Нильсона, и его безмолвие лишь делало больнее.

Но постепенно девушка начала осознавать. Лишь пару раз понадобилось пересечься взглядом с мужчиной, чтобы осознать, как сильно он за неё переживает, и как сильно хочет помочь.

Печаль. Глубокая, неодолимая печаль застыла в карих глазах. Пожалуй, именно она остановила девушку от дальнейших протестов и заставила подчиниться.

Если Нильсон действительно думает, что это поможет, стоит попробовать ему довериться.

Они ехали через городок, и пейзаж наступающей осени проплывал за окном. Для девушки картина сливалась в сплошное серо-коричневое полотно, ничем не примечательное и ничем не цепляющее взгляда. Слабый дождь не лил ручьем, как не раз могла видеть Тиль, а лишь ухудшал обзор завесой легкой мороси. Куда ни взгляни – одни лужи, разводы на грунтовых дорогах, да немногочисленные пешеходы, прячущиеся от непогоды за зонтами.

По дороге она видела *его*. Не раз и даже не два.

Черный силуэт, следящий за Линдой. Она ни разу не смогла полноценно разглядеть его – да и реально ли это вообще? Хотя видеть то, чего нет на самом деле, – далеко не худшее проявление этой... болезни.

Болезни. Девушка поняла, что считать себя сумасшедшей еще омерзительнее, чем она представляла заранее. Хотя теперь на это можно списать всю паранойю и все подозрения.

Он не оставлял Линду.

Человек в длинном черном пальто каждый раз был где-то позади автомобиля. Каждый раз он оставался смутной фигурой на границе видимости, и любая попытка рассмотреть получше не приводила ни к чему: он пропадал, как видение, как галлюцинация – а может, именно ею и был, кто знает? Лицо (было ли оно?) пряталось в тени, в пелене дождя, да мало ли в чем?

Но ни разу он не исчезал окончательно. Девушке казалось, что она слышит тихие шаги позади машины, сквозь шумоизоляцию, шелест дождя и все звуки городка. И это было просто невыносимо.

Что, если сейчас продолжается очередной кошмар? Если она проснется сейчас в доме Агаты, с криком и вся в холодном поту?

Или дома у себя, в безлюдной квартире посреди мегаполиса, где никто и ничем не может помочь?

Или же еще раньше? Там, в плену у ОПЗМовцев, где день

ото дня к ней приходил лишь один посетитель. Где не было надежды на освобождение, а лишь единственный крохотный шанс, что придет Нильсон и поможет ей. Кто сказал, что это осталось позади, а сейчас девушка в безопасности?

Кто сказал, что это все не один бесконечный сон? Бесконечный, изошренный, продуманный до мелочей кошмар за авторством, быть может, даже не её собственного разума.

Линда боялась. Боялась, что даже рядом с Нильсоном не может быть в безопасности – особенно сейчас, после того, что Брайер показал утром. Более того, она сама может представлять опасность для других.

– Мы приехали, – его голос больше не приносил облегчения. Напротив, будто долетал из-за двери в тесную комнату сознания Линды. Слышался гулко и чуть приглушенно, – идем.

– Идем, – эхом ответила Тиль. Она выбралась из автомобиля и осмотрелась. Взор искал в первую очередь черный силуэт, уже практически ставший её спутником. Но вместо него нашел пятиэтажный дом – один из множества близнецов, серый и невзрачный.

Девушка подняла голову, подставила лицо холодным мелким каплям. Вода освежила, привела её в тонус, но лишь на пару мгновений.

Нильсон, заглушив машину, взял Линду за руку и повел к входной двери.

– Не волнуйся. Мы же боремся с этим всем. Дорогу осилит

идуший.

Ободряющая улыбка на его лице вновь казалась девушке снисходительной.

– Ничего не изменится, – озвучила она свою мысль раньше, чем та окончательно оформилась, – я не знаю, как это победить.

Тиль оценила собственные слова и кивнула сама себе. Теперь, когда её кошмары начали проникать из царства снов в реальность, она действительно не знала, что делать.

– Так же, как мы побеждали всегда, – донесся голос, – вместе.

Линда ничего не ответила, молча ступая за мужчиной.

Он открыл дверь и уверенно вошел первым, подал ей пример.

Легкое шевеление воздуха коснулось щеки Тиль. Девушка почувствовала – самым краем рецепторов – чужое прикосновение. Что-то (КТО-ТО!) дотронулось до неё.

Линда отдернулась, как от огня. Вжалась спиной в светлую стену, начала в ужасе вглядываться в дверной проем и во все, что осталось снаружи.

Ни единого движения. Ни единого черного силуэта. Мощеная дорога да бесстрастный морозящий дождь – вот и всё, что нашел её взгляд.

Брайер проследил за взглядом Тиль, но тоже ничего не нашел. Он хмуро посмотрел на неё:

– Всё хорошо. Тут никого нет, – мощная рука обняла де-

вушку.

Продолжение кошмара? Очередной сон? Линда прикусила нижнюю губу, надеясь проснуться.

Нет. Она снова здесь. И это прикосновение было вполне реальным.

Нильсон захлопнул входную дверь, чтобы разом отрезать все, что осталось – могло остаться – снаружи, и направился наверх по лестнице.

Тиль закрыла глаза, просто доверившись Брайеру. Осторожно она поднималась по ступеням, вслушиваясь в собственные ощущения. Тени мелькали перед опущенными веками. Черный силуэт словно навис над ней. Чью руку она сейчас сжимает?

Девушка вновь распахнула глаза, стоило Нильсону остановиться. Взгляд уперся в простую белую дверь.

«Мэтью Салливан. Врач общей практики».

Когда мужчина коснулся кнопки звонка, она не заметила, а потому дверь открылась совершенно внезапно.

– По вам можно сверять часы, – мужчина, появившийся на пороге, слегка улыбнулся, – сразу же отдельное спасибо за такую пунктуальность. Прошу, проходите.

Человек был невысоким, худым и каким-то хрупким. Однако, к удивлению Линды, слабым он при этом не казался. Наоборот, движения были спокойными, плавными и исполненными некой внутренней силы. Ей бы сейчас нечто подобное не помешало.

Один короткий взгляд через плечо, и Салливан продолжил:

– Вы знаете, кто я, ну а уже, в свою очередь, осведомлен, кто вы. Не переживайте об этом, конфиденциальность здесь всегда уважалась и будет уважаться. Будем друг с другом совершенно откровенны.

Мужчина носил брюки и просторную рубашку с коротким рукавом, расстегнутую на две пуговицы. Он не отвлекался на то, чтобы поправить воротник или коснуться часов на запястье – каждый взмах тонкой руки служил какой-то цели.

– Как насчет чая? – улыбнулся доктор, – ну и погода сегодня. Увы, остался только с бергамотом.

Светло-серые глаза прищурились, взглянув на Линду. Та равнодушно кивнула, но это было метким попаданием: видимо, Нильсон уже рассказал этому человеку о том, что она любит.

Слово за слово Мэтью довел их до гостиной, где на круглом журнальном столике уже стояли три кружки, над которыми поднимался пар. Вокруг столика возвышались три кресла из бежевой замши, а вот на электронику комната была небогата – да и ни к чему это.

В дальнем конце расположилась еще одна дверь, предположительно открытая хозяином. За ней было значительно светлее, и, видимо, именно там находилась процедурная.

– Итак, – начал доктор, – присаживайтесь.

Линда осторожно разместилась в кресле, которое не ожи-

данно оказалось комфортнее, чем она представляла себе.

Девушка, прищурившись, смотрела в глаза мужчины и оценивала его. Что тот может сделать? Что скажет? «Как давно у вас появился этот недуг? Были ли какие-то травмы? Что беспокоит?»

Все вопросы она разложила в своем уставшем от последних дней сознании, на каждый скрупулезно подготовила ответ.

Разум был словно надтреснутым, поврежденным. Но сообразать это почти не мешало. Да и что этот человек такого заготовил, чтобы проникнуть в мысли Линды? Методики, схемы... Тиль не верила уже ни во что.

Но первый же вопрос обрушил хрупкую систему её догадок.

– Давайте представим, что вы для меня – абсолютно незнакомые люди, – начал Мэтью, и его глаза блеснули весельем, – что бы вы могли рассказать каждый о себе? Любая беседа, как мы знаем, должна начинаться со знакомства.

Повило долгое робкое молчание. Линду и Нильсона удивил данный вопрос, такой простой и понятный, что сбивал с толку. И с чего же начать?

– Так, э-э-э, – осторожно заговорил Нильсон, – меня зовут Нильсон Брайер, как вам известно, мне тридцать лет и... а что говорить вообще? Что важно?

– Не думайте об этом, мистер Брайер. Мы же знакомимся, – успокаивал Салливан, – говорите, что считаете нуж-

НЫМ.

– Я военный, сейчас в небольшом отпуске, – Нильсон то и дело поглядывал на доктора, анализировал, что стоит говорить, а что нет. Стоит ли упоминать, что при этом он ослабленным не выглядел? – мы с моей девушкой Линдой приехали к ее семье, чтобы отдохнуть и переключиться из-за навалившихся проблем, – он посмотрел на Линду, – и не только.

Снова пауза. Тиль хранила молчание.

– Хорошо, спасибо, мистер Брайер, – врач перевел взгляд на Линду, – трудно начать?

– Да, – выдавила она.

– Не волнуйтесь, – он быстро глянул на часы, – время есть. Все время мира.

Линда не чувствовала себя спокойно, она все пыталась анализировать, к какой методике принадлежат вопросы доктора. И в то же время часть ее сознания задумывалась о том, а к чему вообще такая паранойя? Ей же просто хотят помочь. Линда открыто посмотрела на входную дверь. Никто не держит, она не привязана. Можно просто уйти.

А что дальше? Перестать бороться и ждать, пока безумие захлестнет ее полностью? Или решить проблему радикально... По телу пробежали дрожь и холод лишь от одной мысли о таком выходе. Нет, настолько низко падать нельзя. Нужно собрать волю в кулак и просто начать говорить.

– Я Линда Тиль, мне двадцать восемь, – мысли сбивались

в кашу, она не знала, какой из фактов жизни вытащить сейчас наружу, в какой- то момент захотелось вывалить все в тщетной надежде, что станет легче. И в то же время разум подсказывал, что делать этого не стоит. Лучше пока повторить за Нильсоном, – я работаю в Совете Освобождения на руководящей должности и сейчас у меня что- то вроде служебной командировки.

Мэтью молчал и никак своим видом не выдавал реакции. Его взгляд не был изучающим, как той толпы.

– Я приехала к тете и ее семье, хотела проведать их. Там и остановилась. И, – в горле пересохло, Линда сделала глоток чая, – и вот уже некоторое время меня беспокоят сны. Собственно, поэтому я и пришла.

– Отлично, – Салливан скрестил пальцы, – уже какой- то прогресс. Моя очередь. Я Мэтью Салливан, мне сорок пять лет, врач общей практики города Уотервилл, штат Мэн, работаю здесь уже не меньше десяти лет. Мой профиль – общая терапия, но я очень люблю свою работу и люблю помогать людям в беде, а потому не остановился на достигнутом и углубил знания по хирургии, онкологии и другим специальностям. Кроме того, **ОЧЕНЬ** интересуюсь психологией и психотерапией, – он снова улыбнулся, – поэтому вам, можно сказать, повезло.

– Так вы поможете? – спросил Нильсон.

– Я очень люблю этот вопрос, – в этот раз в интонации Мэтью не было особой доброжелательности, – но давайте от-

вечу на него попозже, хотя бы в конце приема. Итак, Линда. Можно называть вас Линдой?

Девушка кивнула. Салливан слишком уж располагал к себе, ее это настораживало, но она старалась отстраниться от этого чувства, которое является плодом болезни. Сознание раскалывалось на осколки и стоит хвататься за любую возможность этого не допустить.

– Вы говорите, что вас беспокоят сны. Какой у них характер?

– Кошмары, – твердо ответила Тиль, – я пережила травмирующий опыт..., – она бросила короткий взгляд на Нильсона, – военного плена. И это мне и снится.

– Вот как, – задумчиво ответил доктор, – честно сказать, военно-травматическая психология мне не слишком хорошо знакома. Но это ничего, продолжайте.

– Мне кажется, что меня преследуют, – тут Тиль снова остановилась. Если рассказать слишком много и сразу, то обещание о конфиденциальности может перестать сдерживать доктора, тогда ее увезут на скорой в смирительной рубашке, – во сне. Мне кажется во сне, что меня преследуют. Я постоянно вижу фигуру своего мучителя.

– Мне показалось, что совместная поездка поможет ей, – включился в разговор Нильсон, – свежий воздух, смена обстановки, близость семьи.

– Но не удалось, как я понимаю?

– Именно так, – с горечью произнес мужчина.

– Уже на данном этапе я вижу, что проблема слишком глубока, чтобы избавиться от нее только положительными эмоциями, но в то же время это не значит, что нужно перестать, – Салливан опустошил свою чашку и поставил на столик, – Линда, вы хотите еще что-то рассказать?

– Меня мучает бессонница из-за кошмаров, но в то же время, когда я нахожусь внутри кошмара – мне очень тяжело проснуться.

– Интересно, – тон Мэтью стал более задумчивым, – вы испытываете еще какие-то состояния, помимо этого? Страх, тревога, депрессия?

– Всего понемногу, – вымученно улыбнулась Линда. Ей показалось, что это снизит градус напряжения. Безрезультатно.

– Начнем с простого, – Мэтью подошел к той самой второй двери в кабинете, которая скрывала светлое помещение, распахнул ее, зашел внутрь.

Тиль сразу увидела белую кушетку, столик с медицинскими инструментами, небольшую вазу, наполовину наполненную разноцветными конфетами, железный поднос, раковину с подвешенным рядом флаконом с дизраствором, раскрытую упаковку перчаток. Мэтью вышел на порог в белом халате.

– Проходите, проведу первичный осмотр.

Линда всматривалась в процедурную и не решалась встать. Белый цвет окружения, выразивший доброту и безопасность, теперь ее отталкивал. Она тут же вспомнила

окружение ОПЗМовского госпиталя, где содержалась первый месяц своего плена. Такая же пелена безмятежности. Тиль вцепилась ногтями в кресло. Нет. Она туда не пойдет. Иначе все повторится!

Сердце забилося, а на лбу выступила испарина. Девушка посмотрела в сторону входной двери.

Беги – шепнул незнакомый голос, и дверь кабинета доктора медленно со скрипом распахнулась. Тиль чуть дернулась, но рука Нильсона легла ей на плечо, нежно, но требовательно не дав сдвинуться.

– Ты сможешь, – сказал он.

– Не волнуйтесь, – Тиль обернулась и замерла, потеряв дыхание. Салливан оказался перед ней. Навис в белом халате и медицинских перчатках, сжимая в руке деревянную палочку, – я проведу осмотр и здесь. Откройте пошире рот.

Не сразу, но Тиль подчинилась. На языке стал ощущаться легкий деревянный привкус, доктор бегло осмотрел ее горло, тут же выбросил палочку в урну, достал из нагрудного кармана халата фонарик. Белый яркий свет ударил в глаза.

– Зрачки реагируют хорошо, наблюдаю раздражение в глазном яблоке, множество кровеносных сосудов, покраснение, – говорил Салливан больше сам с собой. Он проверил оба глаза, затем выключил фонарик и сел перед ней на колени, – следите за ним, – доктор приближал и убирал устройство, водил им в разные стороны, – похоже и тут все в норме. Заранее прошу прощения, – он взял ее за руку и стал про-

минать пальцы от фаланг до ладони, – чувствуете?

– Да.

Он стал давить чуть сильнее.

– А так? Есть изменения?

– Да, вы давите сильнее, – ответила Линда, и тревожность в ней только нарастала. Она вновь посмотрела на Нильсона в надежде найти в нем спасение, но он лишь настороженно наблюдал за действиями Салливана.

– Тактильность тоже в норме. Хорошо, – он снова скрылся в процедурном кабинете, затем вернулся с двумя банками и бланком, где стал ручкой что-то писать, – общие анализы никогда не повредят.

– Док, она в порядке. Не температурит, не кашляет. Зачем это? – раздраженно спросил Нильсон.

– Мистер Брайер, психологические проблемы напрямую влияют на организм. Чтобы определиться с диагнозом и последующим лечением мне не помешают физиологические данные. Теряете вес? – обратился Салливан уже к Тиль.

– Да.

– Нарушение сна мы уже зафиксировали, – задумчиво произнес он, – аппетит?

– Не слишком хороший, – покачала головой Тиль.

– Понятно. Что-то принимаете?

– Я..., – этим вопросом он загнал ее в угол. Стоит ли говорить о снотворном вообще? – да, флунитразипам. По схеме.

– Ого, тяжелая артиллерия, – ответил Мэтью, – пока при-

остановите.

– Я иначе не смогу спать! – вспыхнула Тиль.

– Ничего, я пропишу вам другое средство, полегче.

– При всем уважении, доктор, стадия для «полегче» уже прошла, – она встала на ноги, намереваясь уйти: не из тревожности, а из понимания, что напрасно тратит время.

– Вот как? Ну, мы же доверяем друг другу, доверьтесь мне. Если средство не поможет, при повторном приеме скажете, и мы вернемся к флунитразипаму. Мне нужно оценить динамику симптомов. В процедурную мы не пойдем, не так ли?

Тиль снова замерла. После секунды молчания она медленно покачала головой.

– Тогда будьте добры, закатайте рукава.

Тиль подняла рукава бледно-голубого свитера, доктор осмотрел ее руки, затем попросил поднять верх до груди, посмотрел живот, затем спину. После чего также проверил ноги.

– Хм, хорошо, – он бросил взгляд на часы, висевшие над входом, – не сочтите за грубость, скоро придет другой пациент. Давайте закончим нашу встречу вот на чем, – он ушел в процедурную, снял халат, выбросил перчатки, затем вернулся к столу, открыл один из выдвижных ящиков и стал что-то там искать. Спустя непродолжительное время доктор разложил на столе восемь карточек одинакового размера, но разных цветов: серый, синий, зеленый, желтый, красный, фио-

летний, коричневый и черный, – данный тест вам знаком?

Тиль еще раз взглянула на карточки.

– Могу предположить, – ответила она.

– Славно. Но обсудим ваши предположения на повторном приеме, а сейчас, пожалуйста, расположите эти цвета от самого приятного к самому ненавистному. Постарайтесь не задумываться.

Линда сделала выбор, одну за одной убирая тонкие разноцветные карточки. Салливан откладывал их к себе, а затем достал бланк и сделал несколько пометок на листе, после чего убрал его в стол, вместе с карточками.

– Думаю, нашу встречу на сегодня можно считать оконченной. Мистер Брайер, мисс Тиль. Мой номер у вас есть, если что-то случится, смело звоните в любое время дня и ночи. Но планоно давайте встретимся, скажем, в четверг.

Через три дня.

– Принимайте успокоительное, побольше отдыхайте. Кроме того, не забудьте принести мне завтра утром контейнеры. Я пока займусь анализом данных. Спасибо за визит, – они пожали руки и уже меньше чем через минуту дверь кабинета Мэтью Салливана закрылась перед Линдой и Нильсоном.

– Прошло как-то бесполезно, – пожаловался Брайер, пристегивая ремень безопасности.

– А на что ты надеялся? – безэмоционально спросила Тиль, – что он скажет: «Вот примите эти таблетки, и все бу-

дет хорошо»?

Нильсон помолчал несколько секунд, глядя на нее своим обычным взглядом, полным теперь беспомощности и растерянности.

– Ты права, – ответил он и завел мотор, – куда едем?

– Домой, – ответила Линда, отворачиваясь к окну, – нужно побольше отдыхать.

Нильсон лишь вздохнул в ответ.

Серость за окном все тянулась, Линда не слишком верила в умения доктора Салливана, но в то же время пополам с навалившейся депрессией ее, как и Нильсона, одолевало чувство бессилия. Ей бы хотелось что-то сделать, но она не могла. Сил едва хватало, чтобы не сдаться подступающему безумию, а где их взять, чтобы еще и бороться с ним?

Они ехали вдоль аллеи, на которой стоял мужчина в черном пальто, глядя вслед проезжающему мимо универсалу, Линда прильнула к стеклу, увидев его. Одинокий человек посреди пустой улицы, обливаемый мелкой отвратительной моросью. Почему-то она решила, что он не может существовать. Все сходилось... А еще этот капюшон.

– Останови машину! – крикнула она Нильсону и, стоило ему лишь слегка притормозить у обочины, выскочила на улицу и побежала в сторону мужчины.

Прежде чем незнакомец успел опомниться, Линда схватила его за лацканы пальто. Он был осязаем, существовал. Быть может она не безумна, быть может это и вправду враг.

– Кто ты?! – крикнула она, повалив мужчину на землю, пальто стало покрываться инеем.

Наблюдатель пребывал в полной растерянности, широко распахнутые глаза с непониманием взирали на Линду.

– Что? – тупо спросил он.

– Кто ты такой?! Зачем меня преследуешь?! На кого ты работаешь?!

– Девушка, что вы такое говорите? – удивлялся гражданин.

Сзади подбежал Нильсон, секунду или две он не знал, что предпринять, затем взял Тиль за плечо.

– Зачем ты на него набросилась?

– Это он!

– Кто?

– Тот, кого я видела. В окне, в кинотеатре. Я не знаю, кто он, но это точно он. Он наверняка снимал нас на телефон, проверь, – девушка подняла взгляд на смартфон, лежащий в двух шагах от них. Должно быть, выпал из рук, когда она сбила мужчину с ног.

Настороженно Нильсон поднял телефон и стал его проверять.

– Что происходит? – продолжал строить из себя жертву незнакомец, – полиция!

Линда посмотрела по сторонам. Откуда не возьмись появились прохожие, раньше она их не замечала. Откуда... Люди недоуменно смотрели на нее, кто-то остановился, но

не решал ничего предпринять.

– Спокойно! – Нильсон постарался взять ситуацию под контроль, – мы просто обознались, – он взял Линду за руку, но она не спешила разжимать хватку. Лишь приложив усилие, ему удалось ее оттащить.

Брайер поставил мужчину на ноги, отряхнул, протянул телефон.

– Произошла ошибка, сэр. Мы приняли вас за преступника.

– Это возмутительно! – возопил горожанин.

– От лица управления шерифа Уотервилла приносим вам свои извинения, – Нильсон взял Тиль за талию и поспешил к машине.

– Одними извинениями вы не отделаетесь! Я напишу жалобу! – кричал мужчина им вслед.

– Что ты делаешь?! – рассержено произнесла Линда, когда Нильсон грубо усадил ее на пассажирское сидение.

– Нет, что ты делаешь?! – мужчина хлопнул дверью, машина тронулась с места.

– Это он! Я видела его! Ты проверил телефон?

– Проверил, там ничего нет. Что на тебя нашло?

– Я видела его, он стоял посреди пустоты, следил за мной.

Как всегда.

– Какой пустоты? На улице было полно людей. Хорошо еще, что никто не вызвал полицию. Что с тобой, Линда? – Нильсон осекся. Он молча смотрел на дорогу и после мину-

ты молчания произнес, – черт возьми...

Оставшаяся дорога до дома прошла без происшествий, однако событие оставило неприятный осадок на душе у них обоих. Линда пересекла порог совершенно без сил, ей хотелось подняться в спальню и упасть в кровать, если бы только сон не делал ее опасной.

Агата уже вернулась домой и всюю хлопотала на кухне, Майло сидел за столом и настойчиво выводил что-то в тетрадке, изредка поглядывая в открытый учебник.

– О, вы вернулись! – поспешила обратить на себя внимание тетя, она улыбнулась, увидев Линду, но улыбка быстро пропала, стоило ей заметить, в каком состоянии ее племянница, – что произошло? Где вы вообще были?

Нильсон и Линда переглянулись.

– Думаю, нет смысла отгораживаться от близких, – произнес он, тем самым разрушив всякую возможность скрыть состояние Тиль от других. Даже не оставив ей самой выбора. Ее это разозлило.

– Что-то серьезное?! – Агата сразу же начала нервничать.

– Нет, – ответила Тиль, прежде чем Нильсон открыл рот, – мы были у доктора Салливана, он диагностировал мне небольшое переутомление.

– А, так вот почему ты так много спишь, – ответила тетя.

– Кофе попей, – произнес Майло из-за спины, Агата тут же нахмурилась, и мальчик вернулся к работе в тетради.

– Но идея неплохая, – быстро смягчилась женщина, – хо-

тите кофе?

– Не откажусь, – кивнула Тиль.

Они сели за стол все вместе, Агата подставила по очереди чашки под кофеварку.

– Горчит, – пожаловался Нильсон.

– Да? – тетья слегка хлопнула по крышке кофеварки, – чертова машина пережигает. Да и кофе, скажу я вам по секрету, привозят нам паршивый. Но за другим надо ехать в самый Окленд, я к таким поездкам не готова.

– И зачем его тогда пить? – спросила Линда.

– Потому что кофе хочется, – пожалала плечами Агата, – на самом деле, если все правильно сделать, то не так он и плох, а вообще, – она открыла холодильник и достала оттуда маленький пакет со сливками, который поставила перед девушкой, – так вкуснее.

Линда отказалась, а вот Нильсон щедро добавил в свою чашку. Вкус кофе для нее не имел никакого значения, мерзкий или замечательный, это в сущности ни на что не влияло. Окажись он даже божественным – положения это не исправит. Тиль смотрела в чашку, вглядываясь в кофейную гущу, будто надеясь увидеть в ней судьбу.

– Мы не виделись целый год, Линда. А то и больше. Неужели тебе нечем поделиться со мной? – спросила Агата, убирая сливки.

– Больше, – ответила Линда, – поделиться..., – перед ее глазами предстали картины плена, потерь, убийств и про-

чих грехов, она замерла, захлебываясь отвращением к себе, – нет, едва ли. Я работаю в Совете, все в порядке.

– Ты представитель Севера в Совете Освобождения и думаешь, я поверю, что тебе нечего рассказать? – женщина прищурилась.

– Вся эта скучная бюрократия тебя вряд ли заинтересует, – продолжала отмахиваться Тиль, – лучше скажи, нет ли в городе проблем, которые я могла бы решить?

– Да полно! – усмехнулась тетя, – канализации! Дороги! А инфраструктура? Да тут же заняться нечем абсолютно. Все, что было – закрылось. Одними университетскими ярмарками и живем.

– Кинотеатр у вас ничего, – вставил Нильсон.

– Да, ну вот он еще. Но и только. Никаких концертов и прочих мероприятий. Разве что периодически лекторы приезжают в университет. Но я же не поведу Майло слушать размышления о литературе XX века, – она сделала еще глоток кофе.

Линда внимательно слушала тетю и с ужасом обнаружила, что ей все равно. Она задумалась о положении Уотервилла снова, но как ни старалась, не могла обнаружить в себе никаких чувств к бедствиям горожан. В то же время они не казались совсем уж несущественными, но не вызывали совершенно никакого отклика. Ее это напугало.

Нет, только не это. Ее альтруизм – это то, что делает Линду собой.

– Я задам эти вопросы мэру, – ответила она, но на душе стало мерзко. Она понимала, что лжет. Нет. Нужно заставить себя, пойти к мэру завтра же.

– Вот спасибо, племянница, – радостно ответила Агата, – еще чашку?

– Откажусь, спасибо, – ответила девушка.

– Мне налейте, – произнес Нильсон, – настроение под стать.

– Я пойду отдохну немного, – сказала Линда, вставая из-за стола.

– Хорошо, – ответил Брайер, – эй пацан, как идея сходить в пекарню? Мне очень хочется заесть это кофе.

– Вот так бы сразу! – выкрикнул Майло и, положив ручку, побежал одеваться.

Линда уже поднималась по лестнице, как услышала, что Агата и Нильсон о чем-то говорят. Она остановилась и прислушалась.

– Она и правда так утомилась на работе? – спрашивала женщина.

– Нет, – ответил он, и Линда тут же вжалась в стену.

Неужели Нильсон выдаст ее? Тетя лишь больше начнет волноваться. Это никому не поможет. Линда уже хотела вернуться, чтобы попытаться исправить положение, но Брайер продолжил.

– Гораздо сильнее, чем показывает. Она переживает тяжелые времена, и нам нужно ей помочь, – сказал он.

– Я готова сделать все.

– Я тоже, – ответил он, – только не знаю, что.

Девушка лишь покачала головой и решила не вмешиваться, всего за несколько шагов она оказалась на пороге комнаты.

Неожиданное ощущение отвлекло Линду. Она посмотрела на источник и дрогнула от неожиданности.

На ладони медленно расплывалось красное пятно: зациклившись на разговоре близких, она и не заметила, как собственные ногти девушки прорезали кожу до самой плоти и глубоко вонзились в неё.

Боль пришла с опозданием, и голова сразу начала предательски кружиться.

Взгляд Тиль рассеянно начал бегать по скромному интерьеру комнаты в поисках кресла или дивана. Не успев ни за что зацепиться глазом, девушка потеряла равновесие. Единственное, что она смогла – это плавно опуститься на пол, а не упасть навзничь.

Никаких испуганных окликов. Кажется, эта неприятность осталась для семьи незамеченной.

Линда резко встала на ноги. Выпрямилась, оказавшись лицом к окну.

Глаза в глаза с *ним*. Черный силуэт, окутанный струями дождя. Лицо скрыто тенью, виден лишь блеск глаз – естественно огромных, занявших половину лица. Усмешка, почти оскал, от уха до уха, казался вырезанным тонким лезви-

ем.

Всего лишь доля секунды, и наваждение пропало. Моргнула раз, другой, и вот уже в окне привычный дождливый пейзаж. Девушка не успела даже осмыслить, *что* именно она только что увидела.

Какое-то короткое мгновение заставило Тиль покрыться липким холодным потом. Она вздрогнула и почувствовала, будто находится не здесь, а словно наблюдает за происходящим со стороны: отчетливо видела себя саму, стоявшую у окна и с испугом взирающую на пустой пейзаж. Второе наваждение продлилось всего несколько секунд, но окончательно выбило Линду из колеи.

Она снова вернулась в ванную, свой оплот безмятежности, машинально защелкнула замок, снова обратилась к шкафчику с таблетками. В этот раз она искала пузырек с успокоительным, которое прописал врач. Вероятность того, что именно это средство совершенно случайно окажется у Агаты в запасе была ничтожно мала, однако найти хотя бы аналог с тем же действующим веществом было бы неплохо. В ходе своих поисков Линда сверялась с инструкцией в интернете. Но как выяснилось, ничем кроме снотворного аптечка тети в плане седативных богата не была.

Тиль понимала, что стены родного дома начали давить на нее, проблема только в том, что и на улице было не спастись от невидимого преследователя. Она начинала сомневаться в том, что он плод ее воображения. Тонкий слой благоразу-

мия, удерживающий ее от падения на дно начинал трескаться, пока что она понимала и это но надолго ли. Девушка все прокручивала в голове то нападение на мужчину. Теперь ей и это казалось сном, событием, за которым она лишь наблюдала, а не участвовала.

Какова вероятность, что такие эпизоды будут повторяться?

Линда ждала ответ. И не могла его дать.

Она начинала осознавать, что «служебная командировка» только ухудшает ее положение, рано или поздно она закончится, и придется вернуться в Хьюстон, а там, если скрыть свое истинное состояние не получится, ее ждет служебное расследование, после чего отстранение, а с учетом всех событий и годового отсутствия, увольнение не заставит себя долго ждать. После чего должность представителя Северного региона не будет долго оставаться пустующей, а Линда канет в забвение.

Ладони снова похолодели. Девушке показалось, что свет в комнате начал мерцать. Нет. Оно пробралось и сюда. Неужели последняя комната в этом доме, где было безопасно сдавалась ее безумию? Девушка собрала остатки сил, чтобы взять себя в руки. Лампа перестала мерцать.

Не отдавая отчет своим действиям она вновь спустилась вниз по лестнице, схватила с вешалки пальто и вышла на улицу, не закрыв за собой дверь. Нильсон опомнился слишком поздно, она скрылась за поворотом, мужчина потерял ее

из виду. Тиль точно не знала, хочется ли ей побыть одной, но что знала наверняка – сейчас она обуза для Нильсона. Из-за нее он не сможет вернуть себе должность и вскоре... девушка вновь вспомнила бутылку.

Она быстрым шагом, стараясь не оглядываться и не задерживать внимания ни на ком, дошла до ближайшей аптеки, сухо поздоровалась с фармацевтом и протянуло в окно рецепт от врача.

– О, как поживает мистер Салливан? – приветливо улыбнулась невысокая девушка в белом халате с синим бейджем.

– Нормально, – раздраженно ответила Линда, показывая, что не настроена на разговоры.

В ответ девушка тут же перестала улыбаться, лишь молча положила перед посетительницей упаковку лекарств и попрощалась. Линда молча положила купюры и поспешила уйти.

Соблазн тут же проглотить три таблетки (что на одну выше установленной дозы) в тщетной надежде унять приступ тревоги, боролся со слабеющим благоразумием. Линда шла по улице, сжимая пачку таблеток и старалась не глядеть по сторонам, но все же внимание ее привлекло слабое отражение свечения вывески в намокшем под, казалось бы, бесконечной моросью, асфальте. Девушка подняла голову, засмотрелась на витрину, постояла несколько секунд перед дверью, затем вошла внутрь.

Она вернулась домой как ни в чем не бывало, повеси-

ла пальто на вешалку и с полным бумажным пакетом направилась наверх, не обратив внимания ни на кого из близких. Войдя в комнату Линда тут же зашторила окна, упаковку таблеток она положила в прикроватную тумбочку, а остальные покупки быстро спрятала под кровать. Не зря. В этот же момент в дверь раздался осторожный стук, который для Тиль показался невероятно громким и, что более важно, крайне неожиданным.

– Линда, все в порядке? – Нильсон снова спешил обратить на себя внимание, стараясь ей помочь. Почему-то сейчас его попытки вызывали в ней не спокойствие, а совсем наоборот – раздражение. Она растеряла всякую надежду и держалась сейчас на том, что сама попытается справиться с проблемой, не вмешивая в это дело близких.

Хотя любой адекватный человек поймет, что нормальная любящая семья не сможет оставаться в стороне от проблем одного из его членов даже если тот будет всеми силами их сторониться.

Проговорив про себя все это Линде удалось отбросить раздражение, встать и подойти, чтобы открыть дверь. Она лицом к лицу встретилась с Брайером, положила свою руку ему на лицо, чтобы убедиться, что уж он-то не плод ее воображения, хотя это едва ли было возможно: все ее видения были кошмарами.

– Что произошло? Ты так резко вылетела из дома, я даже не успел за тобой.

– Я снова увидела то, чего не должна была, и мне стало очень тревожно, – говорить такое было для Линды настоящим испытанием, она словно повторяла «Я безумна» раз от раза, – поэтому я пошла за лекарствами в аптеку.

– Уже приняла?

– Нет, я только собралась, как вошел ты.

Нильсон молча смотрел на нее, словно пытаясь разглядеть на лице девушки какой-то скрытый смысл.

– Я думаю, лучше перенести прием у доктора, – ответил Нильсон, наконец, – завтра занесем анализы, а послезавтра уже придем. Мне кажется, у нас нет этих суток.

– Что ты имеешь в виду?

– Будто ты сама не знаешь, твои видения ухудшаются, становятся чаще. Без должной помощи станет еще хуже, если бы я только знал, как. Но если я чем и могу помочь, так это выиграть время, – Брайер снова сжимал и разжимал кулаки, что означало борьбу с растущим напряжением.

Линда не могла позволить и ему выйти за пределы благо-разумия, а потому легко поцеловала его в щеку и обняла.

– Спасибо, – тихо сказала она и почувствовала, как его мощные руки обхватывают ее талию. Этот маленький жест для нее очень много значил для Нильсона. Ведь все на самом деле жаждут награды за свои действия, даже если это наградой является видимый результат.

Снова настало время, когда им нужно поддерживать друг друга, разве что сейчас Линда могла дать ничтожно мало, но

готова была отдать все.

Ранним утром они поехали к доктору Салливану. Как и ожидалось, на часах было всего 7 утра, но свет в окнах кабинета уже горел. Нильсон вновь нажал на кнопку звонка, и дверь снова распахнулась. На пороге их встретил Мэтью.

– Здравствуйте, – чуть заспанным голосом произнес он, – не могу сказать, что я вас ждал, но все же рад визиту. Проходите.

Линда и Нильсон вошли в кабинет, закрыв за собой дверь. Мужчина тут же без лишних слов зашел в процедурную и поставил на столик бумажный пакет, в котором были контейнеры.

– Будете первыми в очереди, – бросил через спину Салливан, наливая в кружку чай, – могу предложить?

– Нет, спасибо. Мы недолго, – ответила Линда.

– Как угодно. Кстати я все же хотел попросить вас задержаться. Прошу, присядьте.

Они недоуменно переглянулись, однако устроились уже в знакомых креслах.

– Итак, как я уже говорил, я только поверхностно занимаюсь психологией, но ваша персона меня заинтересовала, – обратился врач к Линде, – в связи с чем я связался со своим коллегой из Уинслоу, настоящим, практикующим психологом, чтобы он помог мне интерпретировать результаты пройденного вами небольшого теста. И хотя он множество раз напомнил мне, что нужно более глубокое и комплексное об-

следование и даже просил приехать к нему как меня, так и вас, уже даже на данном этапе можно поставить ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ диагноз.

Линда и Нильсон молчали, внимательно слушая. Они дали доктору возможность продолжить.

– Позвольте мне для начала рассказать, в чем суть теста с цветными карточками...

– Док, покороче, – отрезал Нильсон, – нужно лечить болезнь, а не разбираться.

– Очень поверхностное суждение, мистер Брайер, – парировал Салливан, – но вы не специалист. И все же, – он развел руками, – как скажете, буду покороче. Восемь цветов – восемь «мест» для восприятия. Наиболее нас интересуют первые четыре. Самый первый цвет, который вы выберете характеризует ваши стремления. Характер действий, которые вы готовы предпринять в сложившейся ситуации. И это – зеленый, а именно настойчивость, но граничащая с упрямством. Вторая позиция – цель, которой вы хотите достичь данными средствами. Синий – спокойствие, удовлетворенность. Нетрудно понять, что именно этого вам сейчас и не хватает. Третья позиция показывает ваши истинные ощущения, которые вы испытываете в данный конкретный момент. Тут все просто: черный. Это сильный страх и тревожность. И да, остается еще четыре позиции. Оставшееся расположение показывает, к чему у вас безразличное отношение и к чему вы относитесь негативно. Вот последнее тоже интерес-

но. Последними двумя карточками, которые вы выбрали были желтый и красный, а именно: склонность к общению и прикладывание морально-волевых усилий. Вы не только не хотите с кем-либо общаться, но и прикладывать дальнейшие усилия к борьбе с этой проблемой. А потому, насколько мне помогла консультация моего коллеги, я могу утверждать, что у вас пост-травматическое стрессовое расстройство. Эта болезнь характеризуется гиперфиксацией на стрессовом эпизоде, которая часто выражается в кошмарах, галлюцинациях и так далее, а кроме того сопровождается апатией, общей отстраненностью и негативным отношением к себе. Бывают еще и физиологические симптомы, для чего мне и потребовались общие анализы, но они вторичны.

– Так, – Нильсон сложил руки в замок, – диагноз есть. И что? Какое лечение?

– Не торопитесь вы так, мистер Брайер, – Салливан сделал глоток чая, – я вижу, что вы очень взволнованы, а кроме того хотите всего и сразу. А что если я вам скажу, что выздоровлению предшествует глубокий курс психотерапии, а в запущенных случаях перемежаемый с медикаментозным лечением?

– Я не обрадуюсь. Через две недели Линда вернется в Хьюстон и выйдет на работу.

– Категорически запрещено!

– Что?

– Чтобы справиться с болезнью вам нужно преодолеть ги-

перфиксацию на стрессовом моменте, для чего следует достичь состояния полного покоя на длительный срок, а кроме того проработать ситуацию с психотерапевтом. Если на работе вы столкнетесь с вопросами войны, это спровоцирует новый приступ и сведет все лечение к нулю. Я бы посоветовал взять отпуск, но еще раз повторяюсь, моя специальность не дает мне права делать осознанные прогнозы. Накануне вашего визита я ознакомился с медицинскими статьями, где говорится, что выздоровление может занять несколько месяцев.

– Скверно, док. Скверно, – Нильсон откинулся в кресле.

– Я не могу уйти с работы! – Тиль вскочила на ноги, – я не имею никакого права все бросить из-за собственных проблем. Это моя вина, что я не смогла справиться, что сломалась! Но если я покину кресло в Совете, кто поможет людям, за которых я в ответе?

– Мисс Тиль, успокойтесь, – Мэтью медленно встал со своего места, – вам не об этом сейчас нужно беспокоиться.

– Линда, он прав, – вмешался Нильсон, – ты сойдешь с ума, если продолжишь в том же духе.

– Не надо меня успокаивать! Я не могу! Я просто не могу... Ведь тогда, зачем я нужна?

– Что? – удивленно переспросил Брайер.

– Если я потеряю место в Совете, то стану бесполезна, я так долго шла к этому, столько потеряла, чтобы наконец что-то построить и удерживать это, а все ломает один поступок?

Нильсон хотел было что-то возразить, но и сам на несколько мгновений вернулся на год назад. Возможно, он тоже чувствовал вину за то, что Линда бросилась за ним и попала в плен. Скорее всего, он тоже винил себя за случившееся.

– Это не важно, – ответил он серьезно.

– Что не важно?

– Твое место в Совете. Это всего лишь должность. Она не стоит твоего здоровья. Если ты захочешь, то сможешь помогать людям и без статуса советника, – Брайер был как никогда уверен в себе, но Линда встретила эти слова враждебно. Он ничего не понимал, хотя сам был таким же. Она зло усмехнулась

– Тебе ли это говорить? Стоило ТЕБЕ потерять свою должность, и что случилось? Стал прятать виски...

– Линда! – Брайер кинул взгляд на врача, но тот застыл в нерешительности.

– Не нужно отмахиваться. Кто-то должен справляться, кто-то должен бороться, выполнять свое предназначение, иначе все зря. Иначе *он* победит, – продолжала гнуть свое Тиль.

– Ему будет только на руку, если ты окажешься в психлечебнице. Послушай, нужно всего лишь преодолеть это. Да, придется чем-то пожертвовать, но в конце концов мы справимся.

– Нет, – Линда сделала шаг назад, – нет, я не могу пойти

на это. Не могу бросить последнее, что делает меня тем, кто я есть.

– Работа не делает тебя той, кто ты есть!

– Я могу делать что-то, быть значимой для тех, кому я нужна! – Линда вспомнила, как тетя рассказывала ей о нуждах города, которые были и ее нуждами. Она не могла этого лишиться, столько людей ждали помощи.

– Ты значима для меня. Для Агаты, для Майло. И не важно, какую должность ты занимаешь, – продолжал убеждать Нильсон, но Тиль уже не слушала.

Она вышла из кабинета, заморозив дверную ручку, увела машину. Вернувшись домой девушка вытащила из тумбочки таблетки, а из-под кровати непрозрачный пакет. Выдавлив из блистера три белых кругляшка она отправила их в рот, а затем, поразмыслив, добавила к ним еще одну таблетку снотворного. Она знала, что это спровоцирует провалы в памяти, понимала, что нет времени планомерно устранять проблему, нужно нанести по ней один сокрушительный удар.

Черный силуэт вновь возник перед ней, белая улыбка пересекла черное пустое лицо.

– Пошел ты! – выпалила Тиль, и улыбка тут же исчезла, – я не боюсь тебя, – она свинтила крышку с бутылки. Последний шанс все исправить, – я сама справлюсь, – несколько глотков обожгли горло, подступила тошнота. Девушка отпала от бутылки, закашлялась, затем побежала в ванную, вылила все оставшееся содержимое в унитаз, после чего заморозила бу-

тылку и расколов ее на мельчайшие осколки отправила вслед за жидкостью, после чего нажала на смыв.

Окружение стало расплываться, ноги налились железом. Тиль поняла, что дверь в ванну открыта, безопасность оказалась нарушена. Тяжелыми шагами она направилась в сторону коридора, но запнулась и полетела вниз. От удара о кафельный пол ее спасли чьи-то объятия. Свет в комнате снова начал мерцать, но делал это медленнее, чем в прошлый раз. В голову будто накачали кислорода, все вокруг закружилось. Девушка потеряла ощущение времени.

И кто ее держит?

– Нильсон...отпусти..., – заплетающимся языком проговорила Линда.

– О нет, – прозвучал знакомый голос, который девушка никак не могла опознать, – Нильсона здесь нет. Ты одна.

– Одна?

– Да. Совсем. Совсем одна, – продолжал голос, – ты упала на самое дно, и никто, даже ты сама, не сможет тебе помочь. Они скоро найдут тебя. Найдут таблетки. Найдут бутылку. Найдут чек. Все сложат.

– Нет...Я все убрала.

– Ну конечно же, – рассмеялся голос, – ты в бреду от таблеток и надеешься, что грамотно замела следы? Ну же, Линда. Начни себя уважать. Ты навсегда останешься там.

– Где?

– В Кубе. Тебе не удалось сбежать. Вот здесь, – что-то,

кажется палец, такой холодный и потусторонний, коснулось ее виска, – вот здесь ты всегда будешь пленником Куба. *Ego* пленником.

– Прочь, – уже шептала Линда, глаза закрывались, все вокруг темнело.

– Сладких снов. Я еще приду.

Девушка чувствовала, как ее аккуратно кладут на холодный пол. Дыхание замедлилось, мерцание света полностью угасло, она чувствовала, как теряется, уходит из реального мира, погружается на глубину.

И тонет.

Глава 5. Айсберг

Она снова оказалась в пустых холодных застенках, из которых, это известно точно, выхода не было. И теперь Линда готова была умолять о том, чтобы снова упасть в холодную воду, сводящую конечности, чтобы просто перестать бороться и погрузиться на темное пустое дно, чтобы остаться там и прекратить кошмары навсегда.

– Похоже, что это конец, – произнес полностью материализовавшийся вдруг перед ней Константин. Никаких индифферентных, никаких мрачных навязчивых образов, он стоял здесь во плоти. Хотя, конечно, нет.

– Мне уже все равно, – Линда не чувствовала себя живой.

– Нет, – покачал головой, улыбаясь, Титов, – не все равно. Иначе бы ты даже и слова мне не сказала. Но есть один способ освободиться.

Этих слов Линда не ожидала, она повернула голову к Константину, тот не исчез, все еще стоял и ждал.

– Какой? – спросила она будто сама у себя.

– Ты же знаешь, – он сделал шаг вперед, а затем медленно стал расслаблять ремни на ручках кресла, которыми Тиль была прикована, – убей его. Убей Нильсона, и я тут же выйду из твоей головы.

– Даже говорить об этом не хочу, – Линда резко встала с

кресла, отталкивая Титова, но тот лишь рассмеялся.

– Уже говоришь, ведь я – это ты. Подумай над моим предложением. Ты знаешь, что это правильно. В глубине души ты не считаешь себя пленником, если ты вспомнишь тот разговор до больницы, то поймешь, что во многом соглашалась со мной, – он пошел на нее, и в этот момент силы стали оставлять девушку. Она почувствовала головокружение и слабость, едва могла стоять на ногах.

– Я не стану этого делать..., – она сделала шаг назад, едва удержалась на ногах.

– Посмотрим. Сейчас ты вернешься назад, а он не будет рад твоим действиям.

– Нет, Нильсон меня не оставит.

– До поры, – продолжал наседавать Титов, – пока ты не окажешься в лечебнице на несколько лет, а я тебе это, поверь, устрою. Тогда-то он и сломается. Так зачем делать себе больно? Убей его сейчас, как только вернешься в сознание, и все рассеется, покажется... страшным сном, – генеральный директор в голос засмеялся и, наконец, стал пропадать. Силы окончательно покинули Линду, и она рухнула на землю и в то же мгновение перенеслась в реальность.

На лицо неприятно давила кислородная маска, ее куда-то везли на кушетке, глаза встретились с обеспокоенными взглядами медиков.

– Пульс ровный! – крикнул один из них, глядя куда-то в сторону.

– Пришла в сознание, – добавила медсестра, их взгляды встретились.

– Она очнулась?! – донесся откуда-то позади знакомый голос. Он здесь.

Тиль из последних сил подняла голову и увидела Нильсона, он держал в руках ее пальто и бежал вслед за медиками.

– Вам сюда нельзя! – жестом остановила его медсестра и последнее, что увидела Линда перед тем, как двери закрылись, был ужас на лице Нильсона.

Она снова потеряла сознание, периодически приходила в себя, пока с ней проводили процедуры, кажется, промывали желудок, ставили капельницы, ее бросало то в жар, то в холод, реальность перемещалась с вымыслом, пока наконец калейдоскоп событий не прекратился. Она оказалась на кушетке в палате. Опять.

Воспоминания тут же разыгрались, Линда не могла позволить себе вновь оказаться в плену, ведь если это повторится, он заставит ее убить Нильсона. Она знала. Девушка тут же сорвала с себя все катетеры и датчики, раскрыла дверь и побежала наружу.

Девушка пробежала мимо изумленных врачей в больничной сорочке, не давая им опомниться, медбратья не успевали среагировать, и вот она уже на улице.

Утро. Пасмурно. Дождь. Уотервилл.

Тиль поняла все это за долю секунды, но не дала себе шанса остановиться, весь организм требовал скрыться, уйти

прочь отсюда и пускай разум понимал, что она не в плену, не в ОПЗМ, его позиции сейчас были предельно слабы, он уже ничего не решал. Линда бежала не оглядываясь, бежала босиком по холодному мокрому асфальту, расталкивая людей, не оглядываясь назад и не зная, что ждет впереди. Но на одном из поворотов перед перекрестком что-то произошло, она будто бы споткнулась о невидимое препятствие, потеряла равновесие и упала прямо на дорогу.

Тяжело. Будто незримая сила сковала руки и ноги: подняться девушка все никак не могла.

– Мисс, вы на проезжей части. Поднимайтесь! – тонкая женская рука помогла Тиль выпрямиться.

Дорожное движение вокруг замерло. Не так часто здесь люди падают на проезжую часть. Холодный ветер бил словно со всех сторон, будто она все еще была там, посреди холодного северного моря.

Теплая ладонь, что помогла подняться, была той соломинкой, которая тащила прочь из сплошного кошмара.

Какая-то пелена все еще стояла перед глазами. Девушка не могла разглядеть, что было там, дальше десятка метров.

Дождь сменился серым туманом, поняла Линда, прогоняя мысли о кошмарах. Светящиеся в сумраке «глаза» были фарами автомобилей, не более того. А спасительная ладонь, крепко держащая её собственную...

...быстро нагревалась.

Тиль попыталась выдернуть руку, но мягкая хватка резко

стала просто железной. Жар охватил её по локоть и стремительно шел дальше, сметая все ощущения на своем пути.

Женщина подняла голову, и Линда оказалась с ней лицом к лицу.

Тонкие, словно вырезанные скульптором черты. Глаза, обжигающие огнем. Алиса Ландерс разразилась смехом. Лицо её тут же стало плоской маской, за которой полыхало безжалостное пламя.

Тиль горела изнутри – в очередной раз, только теперь это никак не хотело заканчиваться. Она смотрела в пустые глазницы Ландерс, и видела за ними лишь огонь.

– Похоже, что это конец, – голос Титова шел сразу отовсюду. Линду трясло от боли: кожу девушки пожирало пламя, а она ничего не могла сделать.

– Если ты не убьешь его, то будешь гореть сама, – подытожил тон генерального директора, лишенный эмоций.

Тиль пыталась вырваться, но её сковал паралич. Тело застыло, не слушаясь хозяйку. Даже глаза отказывались моргать. Жуткая картина не пропадала, замерла перед взором.

Глухой удар заставил девушку дрогнуть. Паралич на миг отступил, и Тиль зажмурилась, не в силах больше выносить представший перед ней кошмар.

Линда почувствовала, как ее кто-то держит. Не без труда Одаренная разжала веки и увидела перед собой мощную грудь, облаченную в футболку цвета хаки. Она подняла голову выше, взгляд уперся в густую короткую черную бороду.

Мужчина посмотрел на нее.

– Ты как? – очень тихо спросил Брайер.

Линда вышла из его объятий, посмотрела вокруг: дом. Все то же жилище Агаты, все та же спальня, только теперь постель выглядела вывернутой наизнанку: здесь словно шла борьба.

Такой была и вся комната. Небольшое зеркало в углу было разбито на осколки. Шторы сорваны напрочь, а почти на всей мебели – царапины, заметные даже на первый взгляд.

Агата стояла в дверном проеме и робко куталась в домашний халат. На щеке женщины Тиль заметила тонкий порез, и по спине пробежали мурашки.

Нильсон встал с колен, отряхнулся, недовольно посмотрел на собственную порванную футболку.

– Я не знаю, – недоуменно ответила Тиль, – что тут произошло?

Никакой уверенности в словах не было. Осознание произошедшего медленно накатывало на девушку, и становилось действительно страшно. Она же была в ванной. И закрылась.

– Нужно в больницу, – Брайер взял ее за руку, но она опомнилась и отдернула ее.

– Нет. Я не пойду в больницу! Там... там *они*, *они* заставят меня сделать то, чего я не хочу!

– Дорогая, ты не в ОПЗМ, – успокаивал Нильсон, – ты в Уотервилле, все хорошо. Это наши врачи, они помогут.

– Откуда ты знаешь?! – выпалила Тиль, – откуда я могу знать... нет, ты настоящий, я уверена. Но что до всего остального... Нильсон, ты не понимаешь, что происходит, а я поняла. Он сделал это специально, подстраховался на случай провала, – она почувствовала как слезы текут по щекам, – все здесь, – она с силой ткнула ногтем в висок.

– Все будет хорошо, мы вместе справимся с этим, – он сделал еще шаг, но Линда снова отстранилась.

– Я себя уже не контролирую! Что здесь случилось? Что случится потом... ПТСР? Нет, все сложнее, Нильсон. Все гораздо сложнее. Во мне бомба, – она сжала кулаки. Взгляды близких, направленные на неё, сейчас лишь отвлекали. Тиль не знала, сколько еще продержится, – он заложил в меня алгоритм! Помнишь иней на твоих волосах? Тогда я смогла сдержаться, но смогу ли снова?

– Я не боюсь. Идем со мной, – но на лице у Брайера не читалась и толики уверенности. Линда понимала, что не может быть с ним, пока не разберется.

– Нет. Я не могу больше так рисковать. Лечение не поможет!

– Послушай, Линда...

Она не дала ему закончить, возведя перед Нильсоном и Агатой ледяную стену, а сама бросилась прочь, почти не разбирая дороги, стараясь скрыться как можно скорее, обезопасить его и других от себя.

Тиль вырвалась навстречу ночной прохладе через разби-

тое окно. Порезала руки, ноги об острые края. Плевать! Спустилась со второго этажа по ледяным ступеням, которые Дар услужливо подставлял под каждый шаг.

Окно позади стало прозрачной холодной преградой, отрезавшей близких, и девушка побежала. Израненные босые ноги несли её по покрытому инеем асфальту все дальше и дальше от дома. Последние дни дали понять: там, позади, она не найдет спокойствия. Там она – источник опасности.

А прошедшая ночь закрепила: те, кто рядом с ней, под прямой угрозой.

Вокруг не было ни души. Тиль поняла, что даже не посмотрела на часы. Но судя по всему, царило самое темное время ночи.

Впереди неожиданно показались огни одинокого автомобиля. Громкий сигнал разорвал ночную тишину, и девушка резко свернула в сторону. Между двумя огороженными участками она пролетела, словно стрела. Болели ноги, капли, кажущиеся черными, текли по коже, но она бежала все дальше и дальше, убивая свой организм.

Последние частные владения остались за спиной. Девушка и не заметила, как невысокие дома сменились деревьями, а дороги, даже грунтовые, исчезли вовсе. Вокруг сгустился мрак, разгоняемый лишь бледным светом луны и звезд. Тени складывались в странные, гротескные очертания, выдавали пугающие фигуры и силуэты, которым не было места в этой реальности.

Она бежала по лесу: тело стегали гибкие ветки, корни отбивали ступни, а к звукам шагов прибавились другие: странные звуки ночной природы. Шелесту листьев отвечали крики неведомых птиц, щелчкам и стрекоту насекомых – хруст травы, примятой её ногами.

А позади Линды, буквально в паре шагов, чуть слышно звучали другие.

Он бежал совсем рядом: в этом девушка не сомневалась. Нет, *он* не оставит её даже здесь, ни за что. Одна надежда: что здесь никто её не найдет. Тиль останется наедине со своими демонами, но больше никто не пострадает. Ни за что.

Ноги начали подкашиваться. Тело сдавалось. Плевать! Быть может, и *он* устанет, быть может, она убежит. Линда лишь ускорила.

Ветка хлестнула по лицу. Плевать!

Шаги за спиной стали чуть тише, но никуда не пропадали. Бежали следом, нога в ногу. Она резко обернулась: конечно же, никого. Очередная галлюцинация?

Или же отстал. Даже у внутренних демонов есть запас прочности, видимо.

Тиль упала на колени. Ноги отказывались держать девушку. Одежда изодранная ветками деревьев, уже почти сдалась. В спутанные волосы набились какие-то листья.

Но всё же Линда была тут одна. Преследователь (был ли он?) отстал, сдался, растворился, что угодно.

Тиль улыбнулась, посмотрев на нависшие над ней ветви

деревьев. Те чуть качались от ветра, но тоже не спешили никого выдавать. Взгляд девушки метался от одного из черных изогнутых стволов к другому. Они окружали её, шеренгами солдат наступали со всех сторон.

Откуда она прибежала? Какая разница – чёрный лес выглядел везде одинаковым. Пугающим, враждебным, но – Тиль не сомневалась – безлюдным. Сейчас это было важнее всего.

Все, что ей было нужно, это просто сбежать? Так просто?

И тогда лес ей ответил. С треском сломалась одна из веток, лежащих рядом. Девушка резко, едва ли не до хруста шеи, повернула голову на источник звука, а сама уже начала отступать назад: треск явно был одиночным.

Она увидела какое-то шевеление: ветка одного из деревьев отогнулась на место. Тени изменили свой порядок, разбуженные посторонним движением.

Линда была здесь не одна.

– Нет! Этого не должно быть! – выкрикнула Одаренная. Внутренне девушка ждала, что сейчас из ниоткуда появится Нильсон. Разбудит, вытащит её, как он делал это постоянно.

Но ответом была лишь звенящая тишина. Все звуки леса разом отключили, будто острая спица пронзила барабанные перепонки.

Новый шорох в повисшем безмолвии – с другой стороны. Девушка разом обернулась. В голове пронеслись сотни вариантов, *что* она сейчас может увидеть.

Но ничего. Странные, переплетающиеся силуэты леса, вот и всё, что увидела Линда.

Она чувствовала постороннее присутствие. Что-то давящее, неприятное. Как чужой взгляд, неотрывно глядящий на неё без всякого стеснения.

Еще один хруст, чуть громче предыдущих. И снова – там, где девушка его не ждала. В гробовой тишине каждый легкий шорох пугал, приковывал внимание. И каждый оставался лишь звуком, ничему не принадлежащим.

Тиль рывком обернулась, не верящая уже никому и ничему. На глазах её выступили слезы, все лицо превратилось в застывшую маску ужаса.

В тени деревьев стояла невысокая фигура. Очертания скрывались во мраке, но Линда чувствовала на себе пристальный, немигающий взгляд. Она видела этот силуэт, выделяющееся черное пятно на фоне окружающей темноты, и тело била дрожь.

Силуэт шевельнулся. Сделал шаг к девушке, увеличившись в размерах. Тело Тиль сковало оцепенение, она почему-то захотела отвести взгляд во что бы то ни стало... но не могла.

Женская фигура выплыла из тени. Очертания стали четче, но лицо скрывали упавшие волосы. Линда начинала узнавать, но отказывалась верить собственным глазам.

И тогда *она* подняла голову. В лунном свете блеснули белки глаз.

Девушка отшатнулась. Не могла сбежать – ноги уже не слушались. А *она* смотрела, не отводя взора, не моргая.

– Посмотри на себя, – прошелестел голос, такой знакомый и в то же время такой... отстраненный. Каждое произнесенное им слово оставляло в мыслях истекающий кровью отпечаток. *Она* говорила медленно, тщательно старалась выговаривать каждый слог, и те казались произнесенными сквозь боль. Будто *ей* тяжело было имитировать человеческую речь.

– Тебя не может быть! Не может! – Линду лихорадило. Она попыталась ущипнуть себя: происходящее больше всего напоминало очередной кошмар.

Наваждение не хотело уходить. Тогда девушка подняла какую-то щепку и с размаха всадила её себе в плечо.

Руку пронзила боль, но жуткая картина перед глазами осталась на месте, теперь лишь украшенная отвратительными ощущениями.

– Это тебя не может быть, – *она* с трудом изобразила улыбку: будто бледное лицо свела судорога (не лицо, подумала Тиль. Маску, которой кто-то неумело придал черты, пародирующие человеческие), – ты сдохла еще тогда, в Кубе. И родилась я. Тебе просто незачем жить: со службы Организации сбежала. И с Нильсоном покончить не смогла.

Она подходила всё ближе. Одного роста с Линдой, похожая на неё, но в то же время – словно неумелая карикатура. Руки и ноги постоянно сгибались под неестественными углами, будто кто-то дергал за невидимые нити. Даже голова

наклонялась из стороны в сторону. Тело, управляемое неведомой силой, как марионетка. Казалось, что человек просто биологически не способен так двигаться, и это пугало больше остального.

– Я могу заменить тебя. Я многое делаю лучше, – выдавливал слово за словом шелестящий голос. Безжизненный взгляд натолкнулся на руку Тиль, истекающую кровью, – в том числе наношу увечья. Когда ты уснешь, я буду рядом.

Жуткая улыбка, недвижимым оскалом разрезавшая лицо, зависла прямо перед Линдой.

– Ты ничего не сделаешь! – девушка хотела бы заставить и себя в это верить, – тебя не существует!

– Какая уверенность, – произнесла *она*, – хочешь проверить?

Сухая рука, дрожа, поднялась. В ней появился тонкий ледяной осколок, и Тиль не успела ничего сделать: *она* резким движением всадила оружие в грудь Линды, туда, где должно было быть сердце.

Осколок, тверже, чем камень, легко прорезал плоть. Тело девушки начала по каплям покидать жизнь. *Она* же насмешливо улыбнулась, не двигаясь с места:

– Ты истечешь кровью здесь. Одна. Никому не нужная, одинокая, – шелестел голос, – но себя можно убить и раньше.

Взгляд Тиль на мгновение метнулся к острому осколку.

Это ведь так просто! Пара движений и всё кончено...

И тогда *она* не будет больше выбираться из подсознания.

Ни над кем из близких Линды больше не будет нависать опасность.

Пара движений – и уйдут сразу и девушка, и *она*.

Пальцы Тиль сомкнулись на осколке. Покончить со всем разом!

Она перехватила предмет двумя руками. Глубоко вдохнула и размахнулась.

– Линда! Линда! – чуть скрадываемый голос донесся до неё, и пелена тишины вокруг словно дрогнула.

Она же стала злее:

– Ну давай же! Сделай это! – нечеловеческий тон торопил, и Линду вновь начало трясти. Пальцы сжали осколок сильнее.

И тут из теней между деревьями появилась новая фигура. Теперь – вполне себе человеческая и хорошо знакомая.

– Линда! – неожиданно для себя девушка увидела Агату. Та, даже потрепанная бегом, выглядела счастливой, что нашла племянницу: пусть и в таком состоянии.

Тетя же не видит её, поняла Линда. Всё, что живет в её голове, для других остается невидимым.

«Я здесь!», – захотелось крикнуть Тиль. Но связки не слушались, так же, как и тело. Ни одна часть его не подчинялась девушке.

И тогда действовать начала *она*. Резко развернувшись, фигура рывком подняла руку.

Три тонких ледяных острия разом вонзились в тело Ага-

ты. Вошли они глубоко, не встретив сопротивления. Линда, всё ещё скованная по рукам и ногам, ничего не могла сделать. Оставался лишь зрительный контакт с женщиной, кричащей от боли.

И тут *она* пропала. Исчезла в тенях, растворилась во мраке, как сперва показалось девушке.

Да и была ли *она*? Сейчас это казалось очередным бредовым сном: ведь в реальности её не существовало. Не могло существовать!

Невидимые оковы, парализовавшие Линду, теперь тоже канули в небытие, а ледяной осколок и след от него – тут же исчезли как будто были наваждением. Девушка, того и ждавшая, мигом побежала к родственнице. Споткнулась, проткнула ступню торчащей веткой, но все же добежала.

Она замерла над Агатой. Та еще была жива и судорожно глотала ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

– Линда! Линда, что ты... – вот тут и появился Нильсон. Она уж не знала, что вокруг реально, но хотелось верить, что хотя бы Брайер существует на самом деле.

Словно молния, мелькнула мысль о том, какое же впечатление сейчас производит сама Тиль, сидящая у неподвижного тела родственницы, покрытой кровью.

– Что ты наделала? – спросил Брайер, как только вышел из своего транса.

Линда подняла голову. Лицо её покрывали слезы:

– Я ничего не делала! Клянусь, это была не я! Это та... –

мгновенная пауза, – *тварь*. Нильсон!

– Все слишком далеко зашло, – пробормотал мужчина. Он быстро преодолел разделяющее их расстояние и прощупал пульс женщины, – срочно в больницу! Помоги донести!

Его голос звучал грубо, мощно и повелительно. На каком-то механическом, машинальном уровне Линда помогла Брайеру поднять тело Агаты.

Она плохо помнила, что происходило дальше. Но из общей суматохи выверила, как сама залитая кровью и слезами, нашла силы вместе с Нильсоном донести тело до... цивилизации?

Там, где окончился лес, десятки рук предательски схватили её сзади. Снова перед глазами начали мелькать белые халаты.

– Не волнуйтесь, это для вашего же блага! – сказал чей-то голос, когда она пыталась вырваться.

– Линда, я рядом, – это был уже Нильсон, – тебе нужна помощь. Это не шутки. Твоя семья была в опасности, и мы это не контролировали.

Тиль кричала, рыдала, пыталась разорвать путы, стянувшие её тело. Бесплезно: оковы держали крепко.

Дальше перед глазами вновь было какое-то мельтешение. Девушка успела понять: не существовало никакой *её*. Это и была сама Линда, плод её собственной фантазии. Это она чуть не погубила близкого человека. В очередной раз...

Менялись перед глазами картины. Ночь, день... окраину

сменила больница. Сухой кабинет с креслом – в котором она сидела без движения. Десятки, сотни фигур вокруг, что раз за разом оборачивались одним силуэтом. Хор голосов, чьи вопли сливались в какофонию в её ушах. Все это разом, все и всегда, било по восприятию.

– Тяжелый случай, мистер Брайер, мы не можем ничего гарантировать, – твердый голос, не принадлежавший никому из её знакомых.

Тиль смотрела в окно, за которым развернулся привычный пейзаж огромного города. Что? Она уже не Уотервилле?

Нильсон сидел напротив и смотрел с жалостью:

– Линда, – говорил он, – ты узнаешь меня?

– Конечно, – Тиль мрачно кивнула, – ты затащил меня сюда! За что? Зачем? Это ничего не изменит!

– Изменит, – ответил мужчина, – я тебя не брошу. Ни за что.

– Ты УЖЕ меня бросил, – она едва сдержалась от того, чтобы не перейти на крик, – лишил свободы. Лишил общения с семьей. Лишил работы! Я больше ни на что не способна.

В её душе бушевала буря эмоций. Но взгляд Брайера оставался спокойным. Он действительно не оставит. Не уйдет. Будет рядом.

Последний ориентир уверенности. Последний столп, поддерживающий её нервную систему.

Снова закрыла глаза – и снова поток видений, одно страш-

нее и непонятнее другого. Тени, силуэты в черном, ощущение сильной хватки на горле...

Было очень тяжело.

Тиль редко находила передышки, когда никакие галлюцинации – что во сне, что наяву, – не пытались проникнуть в её жизнь. Но иногда, стоило девушке притвориться мертвой, как все, что жило в её голове, словно забывало о хозяйке.

В один из таких моментов спокойной медитации Линду прервали.

– К вам посетитель, – спокойный голос очередного доктора на этот раз выбил из колеи. Линда подняла голову, просыпаясь от спасительного транса.

На пороге комнаты стояла Агата: уже целая и невредимая. Сколько же прошло времени?

– Рада видеть тебя, девочка, – сказала тетя. Тиль же увидела на руке женщины шрам от одного из ледяных осколков, которые сама же вогнала в её тело. Её передернуло страхом, – не переживай, я уже в порядке. Надеюсь, скоро будешь и ты. Знаю, что Нильсон делает все, чтобы помочь тебе вернуться к нормальной жизни.

Пока тетя говорила, Линда все собиралась с мыслями. Она обдумывала каждое слово женщины, старалась поймать всю заложенную информацию. И все же казалось, что Агата где-то недоговаривает. Что-то скрывает или просто боится озвучить.

И все же Одаренная была благодарна за этот визит.

– Прости меня, – прошептала Линда, – за все. Я не могу себя победить. Оно сидит где-то в глубине и не покидает меня. Почти ни на миг. Я не знаю, что тогда на меня нашло. Я...

– Не только ты, дорогая, – это Агата произнесла вполголоса, – тогда, в лесу... *я тоже её видела.*